

V Международная научная конференция

ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Казань

УДК 93
ББК 63
В74

Главный редактор: *И. Г. Ахметов*

Редакционная коллегия сборника:

М. Н. Ахметова, Ю. В. Иванова, А. В. Каленский, В. А. Куташов, К. С. Лактионов, Н. М. Сараева, Т. К. Абдрасилов, О. А. Авдеюк, О. Т. Айдаров, Т. И. Алиева, В. В. Ахметова, В. С. Брезгин, О. Е. Данилов, А. В. Дёмин, К. В. Дядюн, К. В. Желнова, Т. П. Жуйкова, Х. О. Жураев, М. А. Игнатова, К. К. Калдыбай, А. А. Кенесов, В. В. Коварда, М. Г. Комогорцев, А. В. Котляров, В. М. Кузьмина, К. И. Курпаяниди, С. А. Кучерявенко, Е. В. Лескова, И. А. Макеева, Т. В. Матроскина, Е. В. Матвиенко, М. С. Матусевич, У. А. Мусаева, М. О. Насимов, Б. Ж. Паридинова, Г. Б. Прончев, А. М. Семахин, А. Э. Сенцов, Н. С. Сенюшкин, Е. И. Титова, И. Г. Ткаченко, С. Ф. Фозилов, А. С. Яхина, С. Н. Ячинова

Руководитель редакционного отдела: *Г. А. Кайнова*

Ответственный редактор: *Е. И. Осянина*

Международный редакционный совет:

З. Г. Айрян (Армения), П. Л. Арошидзе (Грузия), З. В. Атаев (Россия), К. М. Ахмеденов (Казахстан), Б. Б. Бидова (Россия), В. В. Борисов (Украина), Г. Ц. Велковска (Болгария), Т. Гайич (Сербия), А. Данатаров (Туркменистан), А. М. Данилов (Россия), А. А. Демидов (Россия), З. Р. Досманбетова (Казахстан), А. М. Ешиев (Кыргызстан), С. П. Жолдошев (Кыргызстан), Н. С. Игисинов (Казахстан), К. Б. Кадыров (Узбекистан), И. Б. Кайгородов (Бразилия), А. В. Каленский (Россия), О. А. Козырева (Россия), Е. П. Колпак (Россия), А. Н. Кошербаева (Казахстан) К. И. Курпаяниди (Узбекистан), В. А. Куташов (Россия), Лю Цзюань (Китай), Л. В. Малес (Украина), М. А. Нагервадзе (Грузия), Ф. А. Нурмамедли (Азербайджан), Н. Я. Прокопьев (Россия), М. А. Прокофьева (Казахстан), Р. Ю. Рахматуллин (Россия), М. Б. Ребезов (Россия), Ю. Г. Сорока (Украина), Г. Н. Узаков (Узбекистан), Н. Х. Хоналиев (Таджикистан), А. Хоссейни (Иран), А. К. Шарипов (Казахстан), З. Н. Шуклина (Россия)

Вопросы исторической науки: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Казань, ноябрь 2017 г.). — Казань : Издательство «Бук», 2017. — vi, 54 с.

ISBN 978-5-906954-79-4

В сборнике представлены материалы V Международной научной конференции «Вопросы исторической науки».

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов исторических специальностей, а также для широкого круга читателей.

УДК 93
ББК 63

СОДЕРЖАНИЕ

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

- Беспалова К.А.**
Амбициозный агитатор и пропагандист Жак Садуль 1

ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНЫХ СТРАН

- Абдалиева Г.К.**
Формирование и развитие этнокультуры кыргызов, проживающих в КНР 4
- Беляева К.В.**
Японская империя в оценках «New York Times» 1921 года в начале работы Вашингтонской конференции 6
- Капорина Ю.В.**
Воображаемое прошлое: образ Древней и Московской Руси в фильме-сказке и фильме-фэнтези 7
- Тангиров О.Э.**
Из истории медресе в городе Ташкенте (конец XIX – начало XX в.) 12

ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ, СТОРОН
И ЯВЛЕНИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- Артеменко Н.И.**
Взаимодействие японской и европейской культуры в эпоху Мейдзи (на примере литературы) 19
- Ларичев О.В., Уськов Д.О., Иванов В.С., Стрельцов Р.В.**
Некоторые аспекты технического обеспечения внутренних войск в первые годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) 22
- Махаматова С.Т.**
Павел I: непризнанный реформатор на рубеже веков 24
- Нарышкина В.С.**
Реакция советской прессы на Апрельскую революцию в Афганистане и восстание в Герате в марте 1979 г. 27
- Смирнова С.В.**
Деятельность обследователей-воспитателей при Тверской губернской комиссии по делам несовершеннолетних в 1918–1929 гг. (по архивным материалам) 28
- Четаев Г.К.**
Военная деятельность И.Э. Якира во время гражданской войны 31

ЭТНОГРАФИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

- Гасанов Э.Л.**
О компаративном исследовании основных историко-этнографических особенностей города Гянджи. ... 34

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

- Бабенко О.В.**
Забытые письма П.И. Чайковского 38
- Федченко О.Д.**
Рюрик и его команда (этимология антропонимов) 40
- Федченко О.Д.**
Русь, варяги и «Баварский географ» 45

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Амбициозный агитатор и пропагандист Жак Садуль

Беспалова Ксения Андреевна, магистрант

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург)

В статье на основе ранее не опубликованных архивных данных рассматривается агитационно-пропагандистская деятельность члена Французской военной миссии в России, капитана Жака Садуля. Благодаря этим документам, автор предлагает новый взгляд на личность и деятельность французского капитана в России.

Ключевые слова: Жак Садуль, III Интернационал, коммунизм, пропаганда, СССР

Русская революция 1917 года стала, несомненно, важной вехой в мировой истории. Это событие, понесшее за собой кардинальные изменения в умах современников, отразилось абсолютно на всех сферах жизни общества. Оно вершило судьбы людей косвенно или напрямую втянутых в события столетней давности. Ее влияние распространилось не только на жителей охваченной хаосом России, но и на людей, живущих далеко за пределами ее границ.

В советской историографии довольно часто встречаются истории об иностранцах, которые, познакомившись с идеями мировой революции, общества всеобщего равенства, свободы и власти в руках счастливых пролетариев, совершенно неожиданно «прозрели», переметнулись на сторону коммунистов и прославляли до хрипоты их правое дело. Не является исключением сюжет о французском офицере, социалисте, Жаке Садуле (1881–1956). Его персона получила положительную оценку советских исследователей: этот француз, преодолев все ошибки и заблуждения [1. С. 156.], стал активным сторонником и борцом за дело революции [2. С. 30–31]. В постсоветской историографии Садуля представляют скорее «попутчиком коммунизма»: исследователи считают, что он воспринял новый режим в России не по собственным убеждениям, а в надежде на последующую эволюцию и адаптацию большевистской идеологии к западным ценностям [4. С. 46.].

Годовщина событий рокового октября актуализирует данную тему и заставляет вновь обратиться к изучению вроде бы уже давно известных и изученных сюжетов. Но по-настоящему актуализирует необходимость вновь обратиться к персоне Жака Садуля интересная находка в архиве Исторической службы Министерства обороны Франции, а именно папка под названием «Дело французского коммуниста Жака Садуля». Эти документы являются материалами следствия по делу экс-капитана, которое велось с 1918 по 1936 год. Документы до 1998 года находились в Центральном Государственном Особом архиве СССР: это дело, как и многие другие французские документы были вывезены советской армией из Германии

в качестве трофея в 1944 году и хранились с 1945 года в Москве. В 1990-е годы документы были возвращены на родину. Их возвращение сделало их доступными для историков — в данный момент к ним можно приобщиться в зале Людовика XIV в Венсенском замке Парижа.

Итак, Жак Садуль с 1915 года находился на службе в секретариате министра вооружений А. Тома. В Петроград он прибыл 1 октября 1917 года [3, с. 14] будучи прикомандированным к Французской военной миссии в России по просьбе министра [14]. Первоначально Садуль занимался паспортами, экономическими исследованиями и делами Миссии [3. 20, 30], а также регулярно направлял А. Тома письма-отчеты о событиях в России, непосредственным свидетелем которых он являлся. Эти письма полны рассуждениями о ситуации в России, о преимуществах и перспективах новой идеологии в нашей стране. Впоследствии сборник писем был опубликован в Берне в 1920 году под названием «Записки о большевистской революции».

В России французский офицер постепенно наладил хорошие связи с лидерами большевиков, и доверие к капитану с их стороны росло день ото дня. Возможно, его политические взгляды изменились под воздействием революционных событий, начавшейся Гражданской войны и ежедневных бесед с идеологами революции, поскольку Жак Садуль вступил в ряды пропагандистов идей мировой революции и занимался агитацией рабочих и военнослужащих за вступление в III Интернационал.

В августе 1918 года он вошел в состав французской коммунистической группы в Москве, в октябре 1918 года — в Французскую группу РКП(б). Социалист стал популярен во Франции: он выступал в печати, издавал брошюры и различные обращения к французским рабочим и к солдатам [19].

Спустя год после свершения государственного переворота большевики продолжали усилия по распространению революционных идеалов и для этого использовали всевозможные рычаги давления, в том числе и бывших сотрудников иностранных военных миссий. Относительно ка-

питана Садуля было принято решение направить его во Францию, потому как он, как бывший офицер французской армии, проведет прекрасную агитацию за революционную деятельность среди французов [9]. Советами так же было решено отправить в Германию несколько человек для агитационной деятельности в войсках Антанты. В их числе, опять же, был Жак Садуль [6].

Красноречивые лозунги и призывы Садуля появлялись на страницах советских газет и разнообразных агитационных листовках: 19 ноября 1918 года в «Красной газете» появилась статья капитана с взываниями к французским рабочим к осуществлению революции и к созданию свободного коммунистического пространства в Европе. Экс-капитан побуждал отказаться от уступок империализму Антанты, и каждая угнетенная нация должна и получит право распоряжаться своей судьбой [5]. Несколько дней спустя в листовках Третьего Интернационала появились статьи Садуля, прославляющие большевизм и содержащие яростные нападки на политику союзников [10].

Большевики уважали экс-члена ФВМ за его решение покинуть ряды Миссии и отвагу открыто высказываться о своих революционных взглядах. Под его руководством была организована «Французская секция международной коммунистической большевистской партии», где он регулярно собирался с теми французами, кто разделял его новые взгляды [13].

После поездки в Берлин в начале 1919 года, агитатор стремился побыстрее вернуться в Россию с отчетом о ситуации там. Он был убежден, что в Гамбурге и Бремене тоже необходимо открыть академии большевистской пропаганды, как и в Москве [14]. Спустя почти год он вновь покидает Россию для поездки в Швецию [17] для распространения там коммунистических идеалов. Но известно, что Садуль жил в Киеве с января по сентябрь 1919 [20]. Зимой 1920 года он снова приезжает в Киев в сопровождении 3 других французов [12], и уже 12 апреля становится известно, что его избрали членом Харьковского Совета Украины. Правительство Москвы предложило его кандидатуру для отправки в Донецкий бассейн с агитационно-пропагандистской деятельностью среди французских и бельгийских рабочих, которые вскоре должны были вернуться вместе с заключенными в их страны [8]. По мнению Советского правительства, они бы стали отличным транслятором большевизма в своих странах. Позже Садуль открыл в Харькове школу французской большевистской пропаганды с курсами «о советских идеях» продолжительностью 6 месяцев. Эта школа была разделена на 2 секции: первая для русских интеллигентов, которые затем должны направиться во Францию; вторая для несовершеннолетних французов и бельгийцев Донецкого бассейна. В конечном итоге и те, и другие готовились для агитационно-пропагандистской деятельности у себя на родине [9].

В Одессе с 1920 года существовал подотдел Южного отделения Исполнительного комитета коммунистического Интернационала, Иностраный отдел которого работал в узком контакте с Комитетом Иностранной пропаганды.

В комитете существовало несколько секций: французская, английская, болгарская, румынская и мусульманская. Через эти секции в иностранный отдел стекалась всевозможная информация, которую агентам удалось собрать за границей. Они курсировали в поисках информации между фронтом и Одессой. Кроме донесений агентов еще одним источником информирования Отдела выступали фронтовые газеты (главным образом, французские и румынские). После сбора вся информация передавалась в Киев [17]. Председателем этого комитета был Жак Садуль.

Но несмотря на всю прокоммунистическую деятельность в России и за ее пределами, личность Жака Садуля весьма неоднозначна и противоречива. На страницах «Записок» хорошо прослеживаются амбиции и самолюбование автора: именно он разработал условия Брест-Литовского мира, именно через него большевики запрашивают помощи у союзников, и его же после переговоров в Вологде советские газеты называют ни много ни мало новым главой ФВМ [3. С. 109, 162, 280]. Также в письмах на родину чувствуется некая обида и возмущения автора: почему же к его идеям никто не прислушивается? Почему французское правительство тянет с помощью Советам? А все просто: на тот момент французское правительство не считали, что большевики долго продержатся у власти, а Садуля воспринимали не больше чем простого информатора. Французский историк Софи Кёре обращает внимание, что бывший сотрудник ФВМ пытался стать во главе французских коммунистов в Москве и нередко стремился подать своих коллег в наилучшем свете: например, французский поэт Анри Гильбо, по мнению Садуля, был неблагоденственным и нежелательный человек в рядах коммунистической партии [4. с. 100]. Сам же Садуль он очень гордился своей новой ролью в России и, совершенно не стеснялся разгуливать по Москве в французской военной форме с большевистским значком [14]. А что касается его отношения к большевикам, то он еще в 1917 году говорил, что не питает особой симпатии к ним, а себя называет социалистом, но именно большевики кажутся ему наиболее способными вывести Россию из того хаоса, в котором она находится, и альтернативы им в России нет [3. С. 58, 161].

Таким образом, можно сделать вывод, что Жак Садуль не являлся большевиком, как его представляет советская историография. Его же нельзя назвать и попутчиков коммунизма, потому как коммунистическую идеологию он не разделял. Выбор французского офицера пал на Советскую республику, зарождение и укрепление которой можно было использовать в своих корыстных и амбициозных целях.

В декабре 1924 года Жак Садуль вернулся на родину, но на этом его политическая деятельность не закончилась, потому как, уже однажды сыграв не последнюю роль в распространении коммунистических идеалов в России и за рубежом, он не смог отступить от своих амбициозных проектов и желания быть первой скрипкой в оркестре. В 1927 году Советское правительство отблагодарило Жака Садуля за его труды, вручив ему орден Красного Знамени.

Литература:

1. Зак Л. М. Деятельность французской коммунистической группы РКП (б) в 1918–1919 годах // Вопросы истории. — 1960. С. 152–166.
2. Зак Л. М. Славные традиции солидарности (борьба французского народа против интервенции в Советскую Россию в 1918–1920 гг.) 1962. — 126 с.
3. Садуть Ж. Записки о большевистской революции. 1917–1918. М.: Книга, 1990. 400 с.
4. Слуцкая Л. В. Французы на службе интересов Советской России: политический аспект сотрудничества // Вышэйшая школа. — 2011. — № 4. С. 45–49.
5. Appel du Capitaine Sadoul aux ouvriers de France. Extrait de la «Gazette Rouge» de Petrograd (19 Novembre 1918) // Service historique de la Défense, Terre (SHD/T) 7 NN2013.
6. Attaché Militaire à Ministre Guerre (Stockholm, le 21 Novembre 1918) // SHD/T 7 NN2013.
7. Cœuré S. Pierre Pascal. La Russie entre christianisme et communisme. Lausanne: Noir sur Blanc, 2014. 512 p.
8. Compte-rendu de Renseignements Generaux № 60 (Moscou, le 12 Avril 1920) // SHD/T 7 NN2013.
9. Compte-rendu de Renseignements speciaux № 60 (Moscou, le 6 Mai 1920, Copenhague, le 19 Mai 1920) // SHD/T 7 NN2013.
10. Conty. Télégramme dechiffre. Copenhague, le 27 Novembre 1918 // SHD/T 7 NN2013.
11. Delavaud. Télégramme dechiffre. Stockholm, 28 Novembre 1918 // SHD/T 7 NN2013.
12. Etat-Major de l'Armee. Section des Renseignements (Paris, le 8 Janvier 1920) // SHD/T 7 NN2013.
13. Extrait du rapport № 3,215 du 7 Décembre du Lt-Colonel Breveté Thomas, attaché Militaire à Stockholm // SHD/T 7 NN2013.
14. L'attaché Naval à Stockholm. Information (28 Janvier 1919) // SHD/T 7 NN2013.
15. Le capitaine Barbier, de la Mission Militaire française de Russie à M. le President du Conseil, Ministre de la Guerre - Etat-Major de l'Armee 2 Bureau S. C. R. Paris, le 24 Octobre 1919 // SHD/T 7 NN2013.
16. Lietenant Pleneau à 2 Bureau de l'Etat-Major Ministere de la Guerre, Paris, 12 Décembre 1918 // SHD/T 7 NN2013.
17. Rapport (Morteau, 28 Octobre 1919) // SHD/T 7 NN2013.
18. Rapport № 37 Russie — Sud. La section étrangères du bureau d'information du Commissariat des Affaires Etrangères d'Odessa // SHD/T 7 NN2013.
19. Rapport sur l'activité du Capitaine Sadoul en Russie (Paris, le 27 Octobre 1918) // SHD/T 7 NN2013.
20. Piohe de Renseignements divers. Lithuanis. Le 19 Juin 1920 // SHD/T 7 NN2013.

ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНЫХ СТРАН

Формирование и развитие этнокультуры кыргызов, проживающих в КНР

Абдалиева Гульзада Кошоевна, кандидат исторических наук, и.о. доцента
Кыргызский государственный университет имени И. Арабаева (г. Бишкек)

Кыргызы обосновались в Восточном Туркестане с древнейших времен. В исторических источниках этот край имел разные названия — «Сери́ка», «Кашга́рия», «Восточный Туркестан», «Западный край», «Китайский Туркестан» и первые сведения о проживающих там кыргызах относятся ко II в. до н.э. [1]

В конце XIII в. часть енисейских кыргызов переселилась в провинцию Хэйлу́нцзя́н (Хэйлуунжан), расположенную в Северо-восточной части Китая. Об этом сообщалось в «Юань-Ши» (речь идет о фу-йуских кыргызах).

В исторических источниках эпохи Мин сообщается, что калмыки насильно переселили восточно-туркестанских кыргызов в местность Оркошар, входящую в состав Тарбагатай Дорболджунского уезда. Процесс ассимиляции кыргызов продолжался до середины XIII в. [2]

50-ми годами XVIII в. датируется борьба хаджи «Актоолу» и «Каратоолу» против китайского порабощения, оказавшая влияние на аксууйских, учтурпанских, кашгарских, хотанских, кыргызов. В результате кыргызы Восточного Туркестана стали подданными Чинской империи. Так появилось политико-административное устройство «Синьцзян» [3].

В 20-х годах XIX в. на основании «Бейжинского соглашения», «Соглашения по утверждению границ северо-западных районов», «Тарбагатайского пограничного соглашения» и соглашения «Илийское постановление», основная часть кыргызов осталась в подчинении России, другая часть перешла в Чинскую (Китайскую) империю и с того времени они появились в истории под названием «китайские кыргызы», принявшие китайское подданство. Однако связь между российскими кыргызами и кыргызами Чинской империи не прервалась и продолжалась как и прежде. Например, кыргызы, потерпевшие поражение в национально-освободительной борьбе 1916 г. бежали в город Какшаал, Учтурпан, Аксу, Бай, Куча и в селение Боздон. По сведениям китайского историка Анвара Байтура, в Китай бежали более 200 тыс. кыргызов [4]. Значительная часть этих кыргызов возвратилась в Кыргызстан после установления советской власти.

В 1920–1930-е годы участники басмаческого движения, восставшие против советской власти — Рахманкул, Жаныбек казы, Абдылда Кулчун бежали не куда-нибудь, а именно в Китай. Известный поэт Мамбетемин (Къчък) уулу Казыбек в 1931–1934-гг. проживал в Китае. Его

произведения до сегодняшнего дня сохранились у китайских кыргызов.

Согласно статическим данным переписи населения в КНР в 2000 г., общая численность кыргызов составила 160823 чел., 77.4% которых живут в Кызылсу́йской КАО СУАР. Статические данные 2002 года показали, что в Кызылсу́йской КАО проживают всего 451946 чел., 131999 из них — кыргызы. Они составляют 29.21% от общей численности населения области [5].

Национальные автономные малочисленные села имеются и за пределами Кызылсу́йской КАО. В селе Коктерек Текесского района Иле-Казахской АО, селе Кокжар Ташкоргонского автономного района Кашгарского округа, в селе Боздон и Жамансуу, Аксу́йского округа, селе Кенкыр Гумаского района Хотенского округа. Небольшая часть кыргызов поселилась в северной части КНР — уезде Фу-йу Хэйлу́н-Цзя́нской провинции, Тибете, Кульдже и Лобноре. Основные этнические группы региона: уйгуры, казахи, узбеки, монголы, сибя, манчжуры, составляющие малочисленные народности КНР [6].

На развитие национальной письменности китайских кыргызов оказали влияние такие кыргызские печатные издания как «Кызылсуу кыргыз гезити», журнал «Синьцзян кыргыз адабияты» (в настоящее время издается под названием «Памир»), журнал «Тил жана котормо», Синьцзянское учебно-просветительское издательство, Кызылсу́йское кыргызское издательство, научно-обобщающее издательство, в которых периодически издаются материалы по исследованию культурного наследия китайских кыргызов [7].

Продолжается изучение богатейшего фольклорного наследия кыргызского народа и, в первую очередь, героического эпоса «Манас». Наряду с ранее известными вариантами популярных сказителей кызылсу́йских кыргызов Жусупа Мамай, Эшмата, Орозо Кадырма, Осмона Намаза, Муссы Якупа (уйгур) записан неизвестный научному миру вариант эпоса от Мамбеттоку Саяка [8].

Большой вклад в кыргызскую историческую науку внесли следующие китайские ученые-историки: Анвар Байтур, Макелек Омурбай, Кайрат Токомбай, Мамбетатурду Мамбетакун и Эсен Айсы.

Основу устного народного творчества китайских кыргызов составляют не только пословицы, поговорки, легенды, сказки, трудовые, любовные, детские песни

и народные эпосы. Содержание таких эпосов, как «Курманбек», «Эр Төштүк», «Жаныш-Байыш», «Толтой», «Тутан», «Мамеке Шопок», «Көбөн баатыр» неизвестны в Кыргызстане [9].

Всем известный эпос «Жаныл Мырза» разнообразен по жанровому составу. В нем ярко отражены радости и печали народа, мудрость художественного слова. Тщательный научный анализ и появление новых традиций, у кызылсуйских кыргызов таких традиций, как «Рождение ребенка», (сватовство), «Сумка жениха», «Опаленная овца», «Убоина», «Кочевье овец», «Тошчая овца», «Чаша советов», «Перепрыгивание», «Плата-калыма» и т.д., выявил наряду со старыми в настоящее время широко распространенный обычай. В процессе сватовства принято дарить в качестве калыма (платы за невесту) работающим девушкам — мотоцикл, а безработным — велосипед. За образованных невест — калым намного выше [10]. У тарбагатайских кыргызов преобладают калмыцкие обычаи. В настоящее время их связь с кызылсуйскими кыргызами возобновилась, возродились исконно кыргызские традиции — сватовство, побратимство и т.д.

В 1966–1967 и 1981 годах экспедиция Синьцзянской общественной академии, проводившая археологические исследования в окрестности Лобнор, обнаружила, что кыргызы погребали усопших в гробах (куансей) и саване.

Китайские кыргызы поклонялись разным божествам. У них сохранились признаки шаманизма. Больные до сих пор пользуются услугами мулл и шаманов. Тарбагатайские кыргызы приняли буддизм в XVIII в. Они поклонялись горе Кызылта-Хайракан, молочной пище, огню и воде. Такого обычая придерживаются и народы Центральной Азии и южной Сибири. Но почти все китайские кыргызы ныне веруют в ислам и праздники, связанные с мусульманской религией, проводят пышно и помпезно.

Частью национальной культуры китайских кыргызов являются народные игры, порожденные эстетическими и духовными запросами народа. Театральная культура сформировалась у китайских кыргызов в 30-х годах прошлого века. Первый театр в СУАРе был основан Абдыкадыром Токторовым. Его драма «Судьба девушки» была поставлена в 1938 г. объединением по развитию кыргызско-казахской культуры в Кашгаре. Так как местные кыргызы проживали в горных районах, сюжеты пьес были короткими, а декорации бедными. Артисты и режиссеры были вынуждены пользоваться «сахнами пастбищ», что задерживало развитие профессионального театрального искусства [11].

Киноискусство китайских кыргызов начало формироваться с 1980 г. Первый киносценарий был написан А. Токторовым в 1983 г., на основе которого на киностудии

«Тениртоо» был снят фильм «У подножия ледовитой горы». Это был первый и последний фильм, снятый кыргызами, проживающими в Китае. В 1960–1970 гг. организована группа по показу кинофильмов синьцзянским кыргызам, которая успешно справилась со своей задачей. Кыргызам, проживающим в горных районах, начали показывать кинофильмы, но они были на уйгурском, казахском и китайском языках. Такие кинофильмы кыргызстанских мастеров кино, как «Ранние журавли», «Караш-караш», «Белые маки Иссык-Куля», «Уркуя», «Белый пароход», «Потомки белого барса» китайским кыргызам удалось посмотреть только в 1980–1990-х гг. исследование разных видов искусства выявило, что в культурной жизни китайских кыргызов более преобладает художественная самодеятельность, чем профессиональный театр и кинематография.

Результаты проведенного исследования на основе комплексного анализа полевых материалов, документальных и архивных источников по проблемам духовной культуры китайских кыргызов привели к следующим выводам:

В рассматриваемом регионе Китая издавна обитали кыргызы, получившие с 1954 г. свою автономию в составе КНР;

Несмотря на функционирование в каждом районе, селе и деревне кыргызских школ, большинство предпочитают обучать своих детей в китайских школах;

Научные исследования развиваются в гуманитарном направлении, а естественные науки отстают; исследования по истории проводят на основании китайских письменных источников, тем самым внося значительный вклад в историографию кыргызов;

Китайские кыргызы сохранили свои языковые особенности в большей степени в отличие от кыргызов, проживающих в Кыргызстане;

Литература китайских кыргызов, которой характерен трилингвизм, развивается под влиянием китайских, уйгурских, казахских писателей и поэтов; издается на многих языках; имеет свою особенность и тематику;

Восемь частей эпоса «Манас», записанные у Жусупа Мамай, являются основным вариантом эпоса у китайских кыргызов;

Этнические кыргызы Китая не только сохранили свои национальные обычаи, но и начали постепенно осваивать европейские культурные традиции;

Особенностью китайских кыргызов является толерантность в отношении различных религий, бытующих в регионе; основное верование — ислам, но сохранились элементы шаманизма и тенгрианства; фу-йуские и тарбагатайские кыргызы поклоняются одному из видов буддизма — ламаизму.

Литература:

1. Пьянков И. В. Восточный Туркестан в свете античных источников // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культуры древнего и средневекового востока. М., 1986. — С. 6.

2. Кычанов Е. И. Сведения в «юань-ши» о переселениях киргизов в XIII // Изв. АН Кирг ССР: серия общественных наук. — Т.2. — Вып.3.Ф., 1960. — С.61.
3. Атокуров.С. Кыргыздар ХУШ кылымда. — Б., -29б
4. Усенбаев К. Восстание 1916 года в Киргизии. — Ф., 1967. — С.236.
5. Шинжан статистикалуу жыл наэси. Пекин.2000. — 85б.
6. Шинжан статистикалуу жыл намэси. Пекин.2000. — 86б.
7. Кызылсуунун 50 жылдыгы 1954—2004 (статистикалык жыйнак) Урумчу.2004.468б.
8. Токтобубу Ысак кызы, Адыл Жуматурду. Залкар манасчы Жусуп Мамай. Пекин.Улуттар басмасы.2007. — 69б
9. Там же. — С.275.
10. М.Эминалы. Торколуу той, топурактуу олум. Урумчу. — 95б.
11. Кызылсуунун 50 жылдыгы 1954—2004 (статистикалык жыйнак) Урумчу.2004.460б.

Японская империя в оценках «New York Times» 1921 года в начале работы Вашингтонской конференции

Беляева Катерина Вячеславовна, студент

Самарский государственный социально-педагогический университет

Изучение позиции ведущих представителей периодической печати США по отношению к Японии в межвоенный период позволит более глубоко и комплексно понять истоки формирования «образа врага», а главное — установить любопытный переходный момент, когда Япония из дружественной страны (в представлении прессы США) трансформировалась в вероятного противника.

По окончании Первой Мировой войны, Япония, вступившая в войну на стороне Антанты, отчаянно цеплялась за оккупированные ею территории Маршалловых, Каролинских и некоторых других островов, которые некогда принадлежали Германии. Версальский мирный договор 28 июня 1919 года оставил данные территории под её протекторатом. Вместе с этим, японцы предъявляли претензии на владение Шаньдунским полуостровом, однако против этого выступал Китай, который не мог уступить набирающей мощь Японии место рождения Конфуция [2, 175]. В итоге, Японская империя лишь получила особые права на данной территории.

Ставя главной задачей заставить японцев вернуть всё, что было ими приобретено после войны, правительство «страны свободных» выступило с предложением о созыве международной конференции, которая должна была затронуть вопрос ограничения мирового морского вооружения [1, 51]. Также, было предложено обсуждение тихоокеанских и дальневосточных вопросов. Так США пытались ослабить и обескуражить своего тихоокеанского соседа.

К слову сказать, японцы прекрасно понимали намерения американцев. Они пытались отложить начало работы конференции или, по крайней мере, снять с повестки вопросы, которые напрямую касались Японии [3, 9], однако это не увенчалось успехом. 12 ноября 1921 года в столице Соединённых Штатов прошла красочная церемония открытия конференции. Участниками, помимо Америки, стали Бельгия, Китай, Франция, Великобри-

тания, Италия, Нидерланды, Португалия и, конечно же, Япония.

Главной новостью американских газет на следующие 4 месяца стала Вашингтонская конференция, а главными объектами статей — Япония и Англия. За период проведения конференции одна из крупнейших газет Америки «New York Times» выпустила 178 и 146 статей о вышеуказанных странах соответственно. И это неудивительно, ведь на момент начала конференции Япония формально ещё находилась в союзе с Англией, и обе страны рассматривались Америкой как основные соперники.

С первых же дней проведения конференции средства массовой информации навязывали читателям свою точку зрения на японцев. «Цивилизованной» Америке противопоставляли «варварскую» Японию. Однако, фактом остается то, что уже после окончания русско-японской войны в 1905 г. американцы признали развитость страны восходящего солнца.

Так, в одной из первых статей о конференции «New York Times» представляет Японию как бестолковую и трусливую страну, которая «по глупости» и в попытке «защиты от Западной угрозы» вовлекла себя в русско-японскую войну [5, 2]. В этой же статье упомянут англо-японский союз; это можно рассматривать как указание на несамостоятельность Японии в ее политических действиях, зависимость от мнений и решений Англии: «Судьба Китая остается главным мировым интересом. Для Великобритании хрупким вопросом будет военно-морской вопрос. В Дальневосточной сфере Америка намерена стать лидером, что идет вразрез с интересами Англии и англо-японского союза. В Америке считают, что Англия должна разорвать любые связи с Японией в Азии. Если конференция потерпит неудачу, то вся вина упадет на Британию из-за того, что она предоставила Японии поддержку» [5, 2]. Такими простыми методами «New York Times» противопостав-

ляла в самом начале работы конференции «корыстную» позицию Японии (и Великобритании), против «бескорыстной» позиции США. Уже в первых статьях газета отказывает японцам в уважительном отношении, что было характерно для прессы периода 1904–1905 гг. и 1914–1915 гг. Причём, сами редакторы «New York Times» упоминают причины таких перемен — это судьба Китая.

«Маргинальность» японцев по отношению к американцам показывали на примере главы японской делегации — министра военно-морского флота Японии барона Томосабуро Като. Ярко выделен факт того, что барон Като не знает английского языка, а точнее «не говорит [на нем] бегло», поэтому общается с журналистами при помощи переводчика [6, 7]. Таким образом американская газета пыталась убедить своих читателей в том, что японцы им чужие, а в будущем из образа «чужого» было бы сравнительно легко «слепить» образ врага.

«New York Times» размещает на своих страницах интервью с бароном Като, в котором прослеживается его не замеченное и тут же использованное журналистами равнодушие. На вопрос «Какая из проблем [о разоружении или дальневосточная] должна решиться первой?» министр военно-морского флота Японии ответил: «Неважно» [6, 20]. Читатели могли видеть в этом ответе полную готовность Японии принять американские условия, предоставленные в плане Хьюза, по причине ее полного согласия с мнением Америки. Однако, на деле это равнодушие могло быть наигранным, для расположения

себя к американцам. Действительно, Японии было неважно, какая из проблем будет решена первой. В любом случае, по предложению Хьюза, японцы хоть и получали меньшее общее соотношение своего флота к флотам Америки и Англии, но выигрывали на Тихом океане — их военно-морские силы в этом регионе превышали бы силы двух вышеупомянутых держав.

Немного отходя от темы Вашингтонской конференции, «New York Times» публикует письмо американца в редакцию, в котором тот пишет о своем опыте в общении с японцами и о главной причине, почему две нации сталкиваются на Тихом океане. Эта причина — недопонимание, которое является «хорошей почвой для вскармливания подозрений» [7, 13]. Автор письма задает вопрос: «По какой причине японцы должны доверять американцам, если те ничего не сделали для того, чтобы заслужить их доверие?» Данное письмо выставляет уже американцев варварами, так как японцы на конференции ведут себя как «джентльмены и спортсмены» [7, там же], и предлагает им вести себя так же.

Таким образом, в самом начале Вашингтонской конференции 1921–1922 гг. «New York Times» настраивала свою аудиторию недружелюбно по отношению к японцам. Образ «янки Востока», которым наделили американцы Японию по окончании русско-японской войны, исчезает. Его место занимает фигура неразвитой, по мнению журналистов, страны, которую стоит опасаться, с народом которой у американцев нет ничего общего [4, 36].

Литература:

1. Морисон С. Э. Восходящее солнце над Тихим океаном: 1941-апрель 1942 / пер. с англ. М.; СПб., 2002.
2. Эйдус Х. Япония и США в войне на Тихом океане. — Ташкент: Государственное издательство УзССР, 1948.
3. MacMillan M. Paris 1919. — New York: Random House, 2002.
4. Miller E. War Plan Orange: The U. S. Strategy to Defeat Japan 1897–1945. Annapolis, 1991.
5. The New York Times, 1921. November 12.
6. The New York Times, 1921. November 13.
7. The New York Times, 1921. November 18.

Воображаемое прошлое: образ Древней и Московской Руси в фильме-сказке и фильме-фэнтези

Капорина Юлия Витальевна, магистр
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Ключевые слова: кино, история, сказка, фэнтези, кинообраз, хронотоп, Древняя Русь, Московская Русь, А. А. Роу

Как справедливо отмечает Н. А. Хренов, художественному кинематографу свойственна мифологизация [3, 4]. Она проявляется в различных формах: в интертекстуальном заимствовании сюжета, мифологизации личности

лидера, добавлении волшебной атрибутики, которая становится «мостом» между сакральным и профанным в кинофильме. В конечном итоге, происходит мифологизация самого сознания, которое усваивает мифологиче-

ские клише и мифологизированные характеристики. Ярче всего мифологизация проявляется в кинофильмах «волшебного» жанра — фильмах-сказках и фильмах-фэнтези. М. С. Мкртычева указывает, что «важная особенность человеческой психологии, дающая фантастике преимущество перед другими жанрами, заключается в нашем извечном стремлении заполнить белые пятна на карте познания. Издавна человек познавал окружающий мир и домысливал то, что не мог объяснить. Фантастика — это альтернативная науке объяснительная возможность человека» [2, с. 116]. Благодаря этому фильмы-сказки и фильмы-фэнтези становятся важными каналами трансляции исторических образов. Они создают сказочно-фантастическую картину мира, в которой угадываются черты исторического облика страны.

Основными доминантами фантастических кинофильмов являются не личность, как в игровых кинофильмах, а пространство и действие. Именно они получают максимальную художественную проработку. Они концентрируют в себе жанровые особенности, а потому обращают на себя внимание зрителя. Поэтому в фильмах фантастических жанров мы можем выделить те специфические черты, которые характерны для хронотопа большинства художественных кинофильмов, отражающих эпоху Древней и Московской Руси.

Пространство и время волшебного кинофильма условны, они имеют свои особенности: в одном сказочном фильме может сосуществовать несколько пространств (сказочное и реалистичное), время всегда замкнуто на сюжете повествования, оно-сюжетное и только в такой форме властно над героями — хронологического времени персонажи волшебного фильма на себе практически никогда не ощущают [1, с. 277–278]. Тем не менее, этот вакуум пространства-времени имеет черты, позволяющие локализовать его в историческом прошлом.

Анализ советских фильмов-сказок и современных фильмов, снятых в жанре фэнтези, показывает, что у отечественных кинематографистов сложились четкие представления о географии волшебного мира. События этих фильмов развиваются в рамках трех географических пространств, которые можно обозначить следующим образом: «Русь — лес», «Русь — город», «Вражеская земля».

В изображении Древней Руси доминирует образ русского леса. В кинофильме А. Роу «По щучьему велению» (1938 г.) одна из заставок раскрывает нам географическую особенность древнерусского волшебного мира: «В том царстве — хоть куда пойдешь — все в лес дремучий попадешь. А лес зеленый да могучий!». Фильмы-сказки открываются панорамами летнего или зимнего леса, в лесу герой встречает свою судьбу, через лес он держит путь во время своих испытаний, вступает в контакт с лесными жителями. От образа леса в пространстве волшебного кинофильма практически неотделима русская деревня: герои, живущие в деревне, ключевые моменты сюжета проводят в лесу. Не будет преувеличением сказать, что архаичная деревушка на опушке леса

стала традиционным изображением древней Руси в отечественном сказочном кино.

Образ леса является одним из древнейших архетипов человеческого мышления, в русской культуре он распространен чрезвычайно широко: в лесу происходит действие подавляющего большинства русских народных сказок, тема леса нашла блестящее отражение в творчестве русских художников: А. И. Куинджи, И. И. Шишкина, И. Е. Репина, В. М. Васнецова, И. И. Левитана. Русский лес — жилище русского медведя — стал одним из основных образов восприятия Руси в общественном сознании. В отечественном кино лес воплощает в себе изначальную, древнюю, языческую Русь, он — прибежище магии, его населяют добрые и злые духи, лесные животные, при добром обращении, всегда становятся помощниками людей, в деревьях на опушке леса всегда найдется языческое капище. Именно с экспедиции в лес начинается поиск студентами-филологами языческого фольклора в современном кинофильме «Темный мир» (2010 г.). Таким образом, мы можем говорить о формировании отечественным кинематографом мифологемы «Русь—лес» как воплощении исконного, архаичного, древнего и языческого начала русской истории.

Другой географической доминантой в волшебном отражении Древней Руси является город. В пространстве города действуют герои древнерусских былин и литературных сказок А. С. Пушкина: Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович, Садко, Руслан, Владимир Красное Солнышко. Мифологема «Русь—город» используется и в современном кинематографе: в кинофильме «Он — дракон» (2015 г.) события литературного произведения нарочито были перенесены режиссером в декорации «Руси—города», напоминающим древний Новгород. Город в фильме-сказке предельно конкретен и реален — это либо Киев, либо Новгород. Города показаны оплотом культурного мира, которому противостоит мир диких степных кочевников. И Киев, и Новгород значительно приукрашены: чистые, белокаменные, с богатыми и процветающими жителями, они не знают ветхих деревянных домов или признаков бедности, которые порой встречаются в пространстве «Руси—леса». «Русь—город» противопоставлена «Руси—лесу» и в отношении к язычеству: в противоположность деревням, в которых царит волхование и по старинке поклоняются деревянным кумирам, города украшены каменными церквями, чей колокольный звон становится музыкальным сопровождением радостных и торжественных событий: свадьбы Руслана и Людмилы, воссоединению семьи царя Салтана. В фильмах, где основной географической доминантой является «Русь—город», язычество становится уделом отрицательных персонажей — поганых кочевников, пирующих рядом с деревянными идолами, или предателей, наподобие боярина Мишаточки из кинофильма А. Птушко «Илья Муромец» (1956 г.). В отличие от «Руси—леса», чьи герои сражаются с представителями потустороннего мира, главная проблема «Русь—город» — внешняя угроза, исходящая от диких кочевников, уводящих русских людей в рабство. Очень за-

бавно изображены кочевники в «Сказке о царе Салтане» (1966 г.), в остальных сказках образ врага показан более отчетливо: иногда они напрямую названы печенегами и половцами, а в фильме-сказке 1944 г. «Кощей Бессмертный» в образе «кощеева племени» зритель находит прямые аналогии с фашистами. В «Русь—город» находят и внутренние враги — предатели, готовые заключить союз с кочевниками. Такие бояре окружают князя Владимира сразу в нескольких кинофильмах. Стоит заметить, что образ внутреннего врага-предателя является не только следствием идеологизации содержания советского кинематографа, но и отвечает реалиям X века: согласно «Повести временных лет» князь Владимир успешно пользовался предательством изменников, подтверждением чему явилось убийство Ярополка и падение Херсонеса. Значение древнерусского города в фильмах-сказках показано очень исторично — это всегда политический, военный и торговый центр: в городе проживает князь и его дружина, в него приезжают послы и торговцы, со всей Руси на службу приходят богатыри.

Третьим географическим измерением, где развивается фильм-сказка и фильм-фэнтези является условная «Вражеская земля», которая является прибежищем темных сил и отрицательных героев. Главным критерием этого географической зоны является труднодоступность: «Вражеская земля» может локализоваться и в лесу, и в горах, и на болотах, и на острове, и под водой. На разрыв традиции пошел только И. Джендубаев в кинофильме «Он — дракон», в котором волшебный остров на скелете огромного дракона является враждебным пространством лишь номинально. Только эта часть пространства фильма-сказки не имеет никакой исторической основы, а является лишь плодом народного или авторского воображения.

Волшебный фильм часто начинается зачином «Давным-давно...», но если мы попытаемся по историческим приметам локализовать действие фильмов-сказок и фильмов-фэнтези во времени, то столкнемся с определенными сложностями. Во-первых, особенности статичного времени не позволяют проследить не только причинно-следственные связи, предысторию и последствия событий (если они не показаны в самом фильме), но и определить точный возраст героев [1, с. 277–278]. Во-вторых, при создании фильма-сказки и фильма-фэнтези, кинематографисты используют исторические реалии в качестве лишь одной из основ для создания визуального образа, широко прибегая к приему эклектизма. Отсюда в волшебном фильме зачастую соседствуют кокошник XVII века и соломенная шляпа XIX века, архитектура и одежда московской Руси переносятся в языческие времена, а само язычество расцветает новыми богами и ритуалами. Одним из излюбленных приемов кинематографистов для конструирования «древнерусского времени» является создание неоязыческих имен, которые не придают таким кинофильмам историчности. Любопытной особенностью как советского, так и современного кинематографа, является предпочтение в выборе декораций и костюмов московской моды и архитек-

туры XVI–XVII вв., которые переносятся в более древнее время. Примечательно, что московское барокко воспринималось как исконно русский стиль еще в сознании людей XIX века, и до сих пор ассоциируется с Древней Русью в массовом сознании. Вольное обращение с историческим материалом, затрудняющее историческую локализацию «волшебной Руси», является оправданным самим жанром кинофильмов, предполагающим полет фантазии. Таким образом, можно с уверенностью сказать, что в волшебном кинофильме существует только одно временное измерение — условная «Древняя Русь».

Создатели отечественных фильмов-сказок и фильмов-фэнтези находили вдохновение в произведениях живописи, перенося на экран героев и композиции. Василиса Прекрасная из киносказки А. Роу (1939 г.) будто сошла с полотна А. Г. Венецианова «На пашне. Весна» (1820-е гг.), Мизгирь из «Снегурочки» П. Кадочникова (1968 г.) одет как Александр Невский с триптиха П. Д. Корина. Картины В. М. Васнецова служили источником вдохновения для режиссера А. Л. Птушко, который не раз воспроизводил композиции и костюмы его героев в сказочных кинофильмах. Кинофильм «Руслан и Людмила» (1971 г.) открывается панорамой, воспроизводящей картину «После побоища Игоря Святославича с половцами» (1880 г.), в кинофильме «Илья Муромец» воспроизводятся сразу три картины В. М. Васнецова: кинообразы Ильи Муромца, Добрыни Никитича и Алеша Попович скопированы с картины «Богатыри» (1898 г.), композиционно повторяются на экране картины «После побоища Игоря Святославича с половцами» (1880 г.) и «Витязь на распутье» (1882 г.). Современный кинематограф в меньшей степени опирается на образы, созданные художниками и ставшие классическими, однако в кинофильме И. Джендубаева «Он-дракон» в образе Игоря — жениха княжны Миры — можно проследить параллели с картиной И. Глазунова «Внуки Гостомысла: Рюрик, Трувор, Синеус» (1986 г.).

Жанр волшебной сказки не избавлял советское кино от идеологической нагрузки. Особенно ярко идеологический подтекст проявляется в фильмах-сказках 1930-х–1940-х гг. Для зрителя 1930-х гг. очевиден был социальный подтекст киносказок А. Роу «По щучьему велению» и «Василиса Прекрасная». Блестяще высмеивается идея монархической власти в кинофильме «По щучьему велению» (1938 г.). Творческий гений А. А. Роу и его актерской команды воплощают на экране галерею карикатурных персонажей — царя, его глухого советника, держащего казну, генерала, правителей заморских стран. Царь Горох (Г. Ф. Милляр) воплощает в себе собирательный образ русского монарха, его безликость должна была подчеркнуть идею распространенности такого типажа среди правителей дореволюционной России. Он показан тщедушным стариком, которого даже попугай открыто называет «дураком», он скупец и самодур, важные вопросы решает с помощью примитивного гадания на пальцах. Никчемность царя и царской власти подчеркивается и его

окружением — приближенный и хранитель царской казны глухой, генерал мыслит только категориями шагистики (персонаж даже именуется «генерал Ать-Два»), бояре в высоких медвежьих шапках бесполезны. Издеваются и над царской титулатурой: в торжественной обстановке генерал объявляет полный титул царя: «Царь Горох — повелитель блох, царь Заречный, князь Запечный, великий царь Горы Лысой, князь Белой и Черной Крысы, ну и проч. и проч. и проч.. Символической деталью является трон царя, в который буквально вмонтированы корона, ски-

петр и держава, а царь, то вынужден горделиво поднимать голову, чтобы до нее дотянуться, то ударяется о нее при падениях. Со всех сторон трон украшен двуглавыми орлами, такой же орел украшает и орденскую цепь царя Гороха, надетую на оплечье. Эти орлы отсылают нас не в «царьгороховы времена», а к свергнутой династии Романовых. Возможно, в образе царя Гороха, прекрасно воплощенном Г. Ф. Милляром, А. А. Роу стремился провести аналогию с последним русским царем Николаем II, показывая его слабость и никчемность.

Кадры из кинофильма «По шучьему веленью», 1938 г., реж. А.А. Роу

В киносказке «Василиса Прекрасная» (1939 г.) социальная тема также выдвигается на первый план. Отрицательными персонажами являются не только традиционные злодеи — Змей Горыныч и Баба Яга, но и невестки Ивана — Беляндрыса Петровна и Маланья Саввична. Они принадлежат к высшим классам местного общества — Беляндрыса Петровна гордая дворянская дочь, а Маланья Саввична бойкая и зажиточная купеческая дочка. Волею судьбы они с охотой идут замуж за сыновей простого крестьянина, но даже приданое не помогает им быстро проникнуть в простую семью — им необходимо доказать простому мужику, что они работающие и смогут вести хозяйство. Это вызывает у невесток вспышку классовой ненависти. Несмотря на то, что фильм имеет главных антагонистов героя — Змея Горыныча и Бабу Ягу, характер прописан только у представительниц бывших сословий: они глупы, завистливы, драчливы, ленивы и злобны, готовы как объединиться против главного классового врага — крестьянки Василисы — так и легко могут передрались друг с другом. Глава крестьянской семьи предстает как носитель классовой справедливости. Невестку-лягушку он защищает следующими словами: «Она хоть и болотная жительница, да у нас ко всем почет равный». А нерадивых и коварных невесток он просто выгоняет со двора вместе со всем их

приданым. Именно крестьянин выступает как настоящий царь в мире советской киносказки 1930-х гг.

Прекрасным примером идеологизации фильма-сказки является киносказка «Кашей Бессмертный». Фильм снимался во время тяжелого, но победоносного шествия советской армии по Европе к логову Кашея-Гитлера, поэтому героический и патриотический пафос кинофильма был не столько игрой актеров, сколько отражением общественного сознания советского общества того времени. Сопоставление Кашея-Гитлер и «кашеево племя» — фашисты было очевидным для любого зрителя, но никакой нацистской атрибутики в фильме не присутствует. Герои киносказки преподносятся как воплощение мужества, стойкости и самопожертвование народа. Большое место в фильме уделено панорамным съемкам русской природы, действия фильма развиваются в пространствах «Русь-лес» и «Вражья земля». Русь представлена в виде архаичной деревушки на краю леса, где одноглавая деревянная церковь соседствует с языческим идолом. Она живет своей тихой и спокойной жизнью — в деревне все только и думают, что о свадьбах. Но в одночасье налетает черное «кашеево племя», в котором можно узнать упрощенную рыцарскую конницу из «Александра Невского» С. М. Эйзенштейна. Пожар, кричащие женщины и дети — советский зритель в 1945 году видел в этих кадрах собственные воспоминания

нения. Прекрасные патриотические призывы исходят из уст героев кинофильма. Марья Моревна загадывает загадливому жениху загадку: «Кого любить должен добрый молодец больше отца с матерью, больше света белого?», ответом на которую была **родная земля**. Защищать родную землю призывает и старичок-сам-с-перет: «Помни — нет ничего святее родной земли. В ней сила народная! Наклонись, Никита Кожемяка, возьми горсть родной земли — за нее бейся!». Соотнеся Кашея Бессмертного с фашизмом, создатели фильма через речь Никиты Кожемяки подчеркивают, что «Нет для нечисти лютой бессмертия! Только доброе будет вечно жить! А коли придет мой смертный час, другой русский воин смерть Кашея добудет!». Неоднократно подчеркивается мотив дружбы народов и их единения перед лицом врага через дружбу Никиты Кожемяки и Булата Балагура. Фильм заканчивается на ноте победы, герои уверенно с гордостью и радостью смотрят в будущее: «После грозы лучше старого, краше прежнего расцветает Русь!». Этот прекрасный патриотический кинофильм был показан в кинотеатрах 9 мая 1945 года и воспринимался как аллегория, а не как волшебная сказка. В этом кинофильме мы можем наблюдать слияние идеологического содержания (фильм о войне), исторической основы (место и время локализуются в пространстве «Русь—лес» времен князя Владимира) и сказочных декораций.

Из волшебных сказок советского кино больше всего к истории приближен кинофильм «Ледяная внучка» (1980 г.). Практически лишенный сказочных атрибутов, фильм переносит нас на Русь XVII века. Деревня с просторными и крепкими избами, крестьяне, одетые просто, но чисто и опрятно, огромная поленница дров рядом с избой гончара — все в этом мире живет тихо и спокойно, жизнь протекает естественно, волшебство привносят только снегурки, но и они невидимы человеку. Картина быта и самой Руси в целом смотрится натурально, однако и в этом кинофильме мы можем наблюдать применение эклектизма. Крестьянский быт относится скорее к XIX веку, так как у бабы Катерины и деда Еремея есть такие «новшества» как самовар и сковородки, однако одежда и быт князя, живущего в просторной деревянной резиденции с росписями и изразцовыми печами, заставляют нас локализовать события XVII веком. В то же время князь, имя которого опущено, ведет себя как удельный властелин — в обиходе он копирует царские церемониал, ему прислуживают не просто крестьяне и слуги, а очень хорошо одеты люди, возможно, местные бояре. В этом случае хронологические рамки сдвигаются еще далее, в XV — начало XVI века. На этом примере мы отчетливо можем наблюдать «сжатие времени» в хронотопе «Древняя Русь», который может соединять в себе черты от X до XIX века. Самое ценное в «Ледяной внучке» то, что, несмотря на сказочный сюжет, повседневная жизнь людей московской Руси выглядит очень правдоподобно, создателям фильма удалось избежать крайностей в изображении картины прошлого: они уходят от мифа о варварстве москвитов и не создают пасторальных картинок.

Современные фильмы—фэнтези не ставят перед собой задачи показать волшебную сторону жизни Древней Руси, наоборот, они одевают полностью вымышленный волшебный мир в древнерусские одежды. Отечественные режиссеры снимают фильмы не по мотивам традиционного русского фольклора — былин и сказок, а экранизируют популярные литературные произведения. Так, по мотивам серии книг М. Семенович был снят фильм и сериал, два фильма было снято по книгам М. Дяченко. Волшебный мир, созданный М. Семенович, полностью фантастичен, он лишь в деталях напоминает Древнюю Русь. Подход И. Джендубаева к экранизации популярного романа М. Дяченко «Ритуал» напротив, удивляет обращением к древнерусской теме. Полностью нарушая контекст литературного произведения и даже меняя имена героев, создатели кинофильма переносят нас во время, когда процветающим славянским городом правил князь Мирослав. У князя всего две дочери, наследовать княжество должен муж младшей княжны Миры, потому что старшая уже осталась старой девой. Женихом Миры становится предводитель дружины Игорь, внук героя-драконоборца. Процветающий город Мирослава напоминает древний Великий Новгород, а сам князь может соотестись с предтечей или праобразом летописного Гостомысла. Младшая дочь, на которую возлагают надежды на продолжение правления династии, заставляет вспомнить рассказ об Умиле и вещем сне Гостомысла. Князь Игорь вызывает ассоциации с Игорем Рюриковичем. Фильм полон древнерусского колорита, особенно красочными и богатыми получились костюмы героев, сделанные по моде XVI—XVII вв. Однако все остальные атрибуты древнерусского колорита — обряды жертвоприношения дракону и пышной свадьбы, напоминающей языческие похороны в ладье, являются полностью вымышленными. К сожалению, современные фильмы—фэнтези, отличающиеся прекрасными декорациями и костюмами, захватывающим сюжетом и зрелищными спецэффектами, нельзя назвать даже «фантазиями на тему» Древней Руси, поскольку элементы древнерусского быта или материальной культуры в них используются лишь в качестве декоративных элементов, украшающих произведения современных писателей—фантастов.

Исходя из всего вышеперечисленного, можно сделать вывод, что фильмы—сказки и фильмы—фэнтези вносят свой вклад в формирование массовых представлений об историческом прошлом России. У советских и современных кинорежиссеров мы можем наблюдать устоявшиеся методы работы с историческим материалом при создании волшебного кинофильма, но совершенно разные подходы к их созданию. Основным приемом работы режиссеров с исторической первоосновой является эклектизм материальной культуры и особенностей быта, причем зачастую он строится на базе XVI—XVII вв. Принципиальная разница между советскими фильмами—сказками и современными фильмами—фэнтези состоит в том, что советские кинорежиссеры стремились создать именно картину историче-

ского прошлого Руси, в которой было место волшебству и подвигу. Волшебство в таких фильмах стоит на втором плане, дополняя сюжет, на первом месте стоит воспитательная функция и желание показать «дела давно минувших дел, преданья старины глубокой». Современный кинематограф ориентируется на коммерческую прибыль и успех среди массового потребителя, поэтому экранизирует не произведения народного фольклора или отечественную литературную сказку, а снискавшие успех произведения писателей-фантастов. Основная функция таких кинофильмов — развлекательная, а магия и волшебство в них подменяют историческую основу, которой отводиться место декораций.

Фильмы-сказки и фильмы-фэнтези раскрывают перед нами характеристики хронотопа «Древняя Русь». Пространство локализуется в трех устойчивых измерениях — лесу, городе и «вражьей земле». Эти пространства создают мифологемы восприятия Древней и московской Руси: представления о древней языческой Руси ассоциируются с лесом и деревней, город, напротив, ассоциируется с процветающей и богатой Русью первых князей. Хронологическое время не имеет определяющего значения, оно опущено и существует лишь во времени-последовательности развития сюжета.

Кроме этого, в хронотопе «Древняя Русь» происходит сжатие времени: в одном художественном пространстве кинокартины могут сосуществовать хронологические приметы разных времен — от X до XIX века, но все они будут считаться органическими элементами «Древней Руси». Хронотоп художественного фильма на историческую тему органически связан с русской живописью, следовательно, мы можем говорить о преемственности художественного образа истории в визуальных видах искусства. Образный ряд хронотопа составляют лес, город, деревня на опушке, герой и героиня. В тех или иных вариациях этот образный ряд воспроизводится во всех художественных кинофильмах на историческую тему: от фильмов-эпопей до короткометражных мультфильмов. Другой характерной для хронотопа чертой является обращение к языческой теме. Язычество и христианство, вступающие во взаимодействие на просторах Древней и Московской Руси, является неотъемлемым элементом художественного фильма. Как показала работа А. А. Бескова, обращение к теме язычества прослеживается и во многих игровых кинофильмах. Как основа для развития фантастических элементов, язычество занимает одно из важнейших мест в современных фильмах-фэнтези.

Литература:

1. Лазарева, А. В. Реализация сказочного пространства и времени в фильме «Гримм» Алекса ван Вармердама/А. В. Лазарева//Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — Нижний Новгород, 2010. — № 4—2. — С. 877—878.
2. Мкртычева, М. С. Кино как предмет социологического изучения: возможности и перспективы/М. С. Мкртычева//Теория и практика общественного развития. — 2012. — № 12. — С. 113—118. — Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/mif-i-kultura-v-hh-veke-kinoproizvodstvo-mifologem-nachalo> (дата обращения 22.04.17)
3. Хренов, Н. А. Миф и культура в XX веке: кинопроизводство мифологем (начало)/Н. А. Хренов//Культура культуры. — 2015-№ 1(5).
4. Хренов, Н. А. Миф и культура в XX веке: кинопроизводство мифологем (окончание)/Н. А. Хренов// Культура культуры. — 2015 — № 2 (6). — Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/mif-i-kultura-v-hh-veke-kinoproizvodstvo-mifologem-okonchanie> (дата обращения 22.04.17)

Из истории медресе в городе Ташкенте (конец XIX — начало XX в.)

Тангиров Обид Эшмахматович, научный сотрудник
Государственный музей искусств Узбекистана (г. Ташкент)

Средняя Азия с древнейших времен являлась центром науки и культуры. Особенно система образования в средневековье имела важное значение в жизни государства. В регионе широко функционировали медресе трех видов (начальное, рушди и высшее, а в некоторых случаях они назывались адна-начальное, авсат — среднее, и аала — высшее).

После завоевания края Российской империей медресе продолжили свою деятельность в системе образования. Так как резкая замена традиционных институтов образования в крае и внедрение новой колониальной системы образования усилили бы недовольство народа.

В Ташкенте, который был назначен центральным городом Туркестанского генерал-губернаторства, деятельность медресе была организована своеобразно. Ташкент был одним из крупных городов Кокандского ханства до завоевания его царской Россией. В медресе города обучались студенты из различных мест и получали специальность.

Интересные материалы и сведения о деятельности медресе Ташкента во второй половине XIX и первой половине XX вв. можно найти в архивных документах, страницах периодической печати, а также в работах авторов, интересовавшихся историей города. В частности, в бро-

шюре «Азиатский Ташкент» Н. Г. Маева даны краткие сведения о медресах и мактабов. Согласно его данным, в медресе Ишанкули лашкар кушбеги, Тахятак, Дегрез в Шейхантаурской части города, вместе с мактабами, которые располагались при мечетях, обучались 230 учеников. В медресе Бекларбеги, Баракхан, Кизил Курган в Себзарской части города, включая и мактабы, обучались 260 учеников. Н. Маев также дал сведения, что в Кукчинской части города функционировали 2 медресе и 34 мактабов, а Бешагачском районе 3 медресе и 16 домашних мактабов, однако он не указывает их названия [6, с. 262–269]. Он отмечал, что процесс образования включал в себя обучение в медресах и мактабах, и после того как ученики научились читать и писать, они продолжили учёбу в медресах. В мактабах и медресе ученики сидели кругом, и учитель располагался в самом центре, то есть в середине комнаты. Н. Маев писал также, что из вакфов выделялись средства не только на постройку мечетей, медресе и кладбищ, а также на возведение помещений для омовения (тахаратхане) [6, с. 286–287]. В сочинении «Тарихи жадидаи Тошканд» Мухаммада Салиходжа, которое является важным источником по истории города Ташкента второй половины XIX в. даны интересные сведения о деятельности городских медресе. По сведению исследователя У. Султанова, который изучил данный источник, Мухаммад Салиходжа приводит около 20 названий медресе в городе: таких как медресе Ходжи Ахрар, Кукальдаш, Мухаммад Алихан, Эшанкули дадхак, Юнусхан, Касымбай Каратути, Махмуд дастурханчи, Баракхан, Муийи Мубарак, Бекларбеги, Шукурхан, Исаходжа кази, Шукурхан (второй), Джуманбий, Юсуфходжа халфа, Хафиз Кухаки, Мухаммад Каримходжа халифа, Эшон Буриходжа Санчикмани, Шарафибий, Нормухаммад кушбеги, Абулкасымхан [7, с. 143–162]. По сведению архивных документов в 1869 г. в г. Ташкенте функционировали 8 медресе [11, л. 77].

По сведению одного исследователя по истории Ташкента А. Добромыслова в городе насчитывалось около 10 медресе до российского завоевания в городе. В них обучались приблизительно 800 студентов [4, с. 45]. Автор вкратце описал расположение и деятельность отдельных медресе в городе.

В исследованиях С. Граменицкого о деятельности школ и медресе Туркестанского края конца XIX — начала XX вв. также приведены интересные сведения. Он отмечал, что в эти годы, в это время местные школы и медресе не были финансированы государством [3, с. 51–52].

По исследуемой теме можно отдельно подчеркнуть работы К. С. Крюкова, В. Булатовой, Й. Абдуллаева второй половины XX в. В частности, несмотря на ошибочные выводы в брошюре «Медресе Кукельдаш» К. С. Крюкова при изучении исследуемой темы можно использовать определенные факты, представленные в ней. Например, медресе Ходжа Ахрара валий было реконструировано на средства, выделенные российским императором Александром III в 1886 г. и в связи с этим этот архитектурный ком-

плекс среди народа получил название «Подшо масжиди» («мечеть правителя») [5, с. 2]. Автор также описывая состояние медресе в советское время писал, что медресе было разрушено в 1954 г. и его кирпичи были использованы при реконструкции медресе Кукельдаш [5, с. 1]. Об истории медресе Кукельдаш он писал, что в 1830–1831 гг. второй этаж медресе был разрушен и его кирпичи были использованы при постройке медресе Бекларбеги [5, с. 3]. Во время ташкентского землетрясения в 1868 г. здание медресе было в значительной мере повреждено и в 1902–1903 гг. реконструировано на средства, собранные народом. Истории медресе Баракхана посвящено исследование В. Булатовой, содержащее интересные детали. В частности, по сведению автора, данное медресе, построенное в XVI в. в 1859 г. в результате нескольких реставраций и ремонтов в период правления ташкентского правителя Қанаатшаха сильно изменило свой вид [2, с. 4]. Здания медресе и мавзолея, которые превратились в развалины ко второй половине XIX в., были отреставрированы. Как приводится в произведении, реставрационные работы в 1904–1905 гг. были осуществлены ташкентским мастером уста Ходжа Абулькасымом [2, с. 17]. Около медресе Баракхан в XIX в. были построены медресе Муийи Мубарак, Джума, Намазгах, Чилляхана.

Работа «Обучение грамотности в старой школе» («Эски мактабда хат савод ўргатиш») Й. Абдуллаева, который занимался исследованием истории процессов обучения в Туркестане в конце XIX и начале XX вв., в основном была посвящена раскрытию «отсталости» мактабов и медресе под влиянием коммунистической идеологии. Несмотря на это, исследование содержит интересные факты об учебных заведениях исследуемого периода. Й. Абдуллаев писал, что учебные заведения Средней Азии до завоевания Российской империей, края состояли из мактабов, медресе и карихана (учебные заведения, где готовились чтецы Корана) [1, с. 7].

В общем, нет отдельных комплексных исследований о деятельности учебных заведений города Ташкента в конце XIX и начале XX вв. В данной статье на основе материалов архивных источников и периодической печати прослежены некоторые вопросы деятельности медресе города Ташкента в исследуемый период.

В течение столетий в Средней Азии система образования усовершенствовалась в традиционном виде и развивалась в соответствии со своими особенностями. По сведению, архивных источников, в конце XIX в. в Себзаре функционировали пять крупных медресе, такие как медресе Бекларбеги, медресе Шукурхан, медресе Муийи Мубарак, Баракхан и Кази калян [11, л. 222–223].

Общее положение в медресе Себзар в 1869 г., должностные лица, (вазифадор) работавшие в них и их источники дохода по архивным материалам представлены следующим образом:

1. *В медресе Бекларбеги было 60 хужр (жилая келья), одна мечеть и одно помещение для учебных занятий (дарсхона). Мудеррисами (преподавате-*

лями) являются *Шарафиддин махзум, имам Мулла Шахмухаммад, мутаваллиями (попечителями) Саидазим махдум, Музаффар махдум, Турсун Мухаммад и Ниёз Мухаммад. Муэдзинами* (человек, который призывает к молитве — О.Т.) *Улуходжа и Ходжамберди.*

Вакфом данного медресе является эти три дворца, каждый из них по 500 тилля (золотых) и 100 мастерских, каждый из них по 30 тилля аренды (тагджай) и одна мельница по 12 тилля. Итоговая сумма вакфа 542 тилля.

Треть из этого вакфа 180 тилля и 2 тенге берет мудеррис, десятину 54 тилля берет мутавалли (попечитель). А остальной вакф берут по приказу вакфнама имам, муэдзин, цирюльник, уборщик и студенты.

Медресе Шукурхана мудеррисами являются мулла Мухаммад олим и мулла Мавлян. В медресе есть одна мечеть и одно помещение для занятий. Около 30–20 студентов обучаются у Мирза Мухаммад олим и около десяти у мулла Мавлян. Преподавательство (мудеррис) Мулла Мавляна равно к 1/6. Имамом является Мулла Ибад мавлян, муфтием мулла Абдухалик и муэдзином Усман. Итого вакфа 191 тилля. Треть из него выдавалось мудеррисам.

2. *Медресе хазрат Муйи Мубарак было построено Мирза Ахмадом пиру охунд и состоит из 13 хужр и 1 мечети, два мудерриса один Имамхан махзум и другой Абдульмаджидхан махзум. И два мутавалли (попечителей) и имам Абдульмаджидхан, двое муэдзинов, один цирюльник, один уборщик (фарраш), один сторож и студенты. Вакфы мирза Ахмад пира для данного медресе, также в старом Ташкенте в Бешагаче и Актепе один танапа (мера площади, различная в разных районах; от 0,15 до 0,5 гектара) виноградника и два танапа люцерна.*

3. *Медресе Баракхан, состоит из 34 хужр, одна мечеть и одно помещение для учебных занятий. Мудеррисом является Мулла Саидахмад ахунд и один имам Акбар кари и муэдзин Мулла Миян суфи, один цирюльник, один уборщик и сорок студентов. Вакфом медресе является доходы (тилля) аренды одного дворца в количестве 20 тилля, также засеянная земля в 15 танапов в местности Аллян в Чагатайских воротах, которое унаследованное Канаатшаху своим отцом и превращенное в вакф им самим, и аренда 8 мастерских (магазинов) расположенных около медресе размером 50 тилля.*

4. *Медресе Кази калян включало себе одну мечеть и одно медресе, четырнадцать хужр, одно помещение для омовения и на восточной стороне медресе расположено большое (святое) кладбище [11, л. 222–223].*

Значит в медресе существовали такие должности как мудеррис (преподаватель), мутавалли (попечитель), студенты, цирюльник, сторож и другие. Основное внимание уделялось на преподавание мудеррисом студентам. Ра-

бочий опыт (стаж) мудеррисов был основным фактором при определении количества прикрепленных студентов им. Худжры в основном выполняли функцию помещений для учебных процессов.

После того как город Ташкент был завоеван Российской империей, мудеррисы медресе назначались с согласия градоначальников. При этом мудеррисы, мутаваллии (попечители) и студенты выходили с обращением на градоначальника. Например, о назначении мудерриса Фазила Камил угли на место умершего мудерриса домоллы Баймирза ахунд в медресе Шакир кушбеги просила группа студентов этого медресе [8, л. 11–13]. В другом документе хранится обращение к правителю города от 13 февраля 1868 г. мутаваллия и мудерриса медресе Ходжа Ахрара вали мулла Абдусаттара. Как пишется в нем мулла Абдусаттар вначале 6 лет занимал должность мудерриса в медресе Кукельдаш. А медресе Ходжа Ахрара работает уже в течении года [12, л. 6]. Он писал, что его иногда вызывали в городское управления в упорядочении вопросов, касающихся делопроизводства на тюркском (старо узбекском) языке: «Я считал честью служить нашему царю, и непрерывно приходил в (городское) управление с медресе. Слушатели, услышав это, смутились против меня от зависти, и решили меня освободить от должности мутаваллия вначале и написали жалобу на меня и подписали ее, и после того как они добились своего теперь хотят лишить меня от должности мудерриса» [12, л. 6]. Мулла Абдусаттар чтобы усилить эффект своего обращения добавил далее «в период Кокандского ханства ни один человек, который занимался государственными делами не отстранялся от своей должности по клевете завистников». Здесь видно, что студенты написали жалобу на муллу Абдусаттара в городское управление показав его неправильные дела и потребовали его освобождения от занимаемой должности. Именно на основе такой жалобы он ранее был освобожден от должности мутаваллия.

Иногда при выборе мутаваллия и мудерриса в медресе были разногласия и правителю города поступали обращения в двух видах. В частности, дело о назначении мутаваллия в медресе Ходжа Ахрара заслуживает особого внимания. Очень интересны материалы о судьбе мудерриса и мутаваллия медресе Ходжа Ахрара сына Салихбек дадхаха Хасанбека махзума, который сильно противостоял российской экспансии города и подвергшийся за это репрессии. В 1868 г. часть сотрудников и студентов медресе обратилась к правителю города с просьбой назначения Хасанбека мутавалием. В обращении также перечислены благие дела Салихбека дадхаха по благоустройству медресе [12, л. 3]. Против этого другая группа студентов писала правителю города следующее: «Муллы Хасанбек отпрыск Муллы Салихбека пытается стать мутавалием медресе, используя различные пути» и были против назначения его мутавалием [12, л. 3]. Кроме того, слушатели обращались с просьбой к правителю города о назначении Муллы Хасанбека махзума сына до Муллы Салихбека мутавалием медресе Ходжа Ахрара от 22 сентября 1869 г. [12,

л. 20]. По этому поводу также была подана жалоба на имя военного губернатора Сырдарьинской области [12, л. 34].

Отсутствие мутавалия и мудерриса в медресе превратилось в проблему. В связи с этим представители медресе вместе обратились к правителю города и просили, чтобы он помог им назначить мутавалия и мудерриса:

“Правителю Ташкента майору Ливанову

Нашему усердному и уважаемому правителю от имени учёных мужей (мулл) которые занимаем художры в медресе хазрата Ходжа Ахрара вали, данное медресе подчиняется массиву Бешагач. Мы надеемся от вас правитель оказать нам честь муллам являющимся представителями этого медресе и назначить сюда несколько мудеррисов и мутавалиев, которые достойны своего дела. Прося это мы мингбаши квартала, думы и эликбаши подписываем данное обращение” [12, л. 8]. На данное заявление поставлено 24 печатей и указаны имя и фамилии тех, кто подписал документ.

Серьёзные проблемы, касающиеся деятельности мутавалиев и мудеррисов, рассматривались непосредственно в военном губернаторстве Сырдарьинской области. Как писал в своем обращении Мулла Саидмузаффар махзум дамулла Инаятулла аглам угли с махалли Акмасжид Шайхантаурской части от 23 апреля 1904 г., он со своим братом Саидумар махзум были мутавалиями в Мечети Бекларбеги с ханских времен. В последние годы такие люди как Саид Нугман махзум и Ниязмухаммад тоже были назначены мутавалиями, и в медресе начали работать четыре мудеррисов. Саидмузаффар просил в своем обращении дать ему самому два должностей мутавалия по причине смерти своего брата [16, л. 32].

Медресе Бекларбеги, которое считалось одним из самых крупных медресе XIX века было построено правителем (хакимом) Ташкента. После того как город перешел под российское управление медресе столкнулось с несколькими проблемами. Это можно видеть в обращении (заявлении) сыновей Бекларбеги Турсунмухаммада и Ниязмухаммада от 29 августа 1868 г. В нем писалось, что их отец Бекларбеги построил большое медресе и мечеть, которые были окружены садом. Податели заявления, чтобы понравиться чиновникам далее писали, что в ханский период медресе подверглось к насилию, и условия указанные в вакфнаме не выполнялись (Вакфнаме было составлено самим бекларбеги — О.Т.), и в период правления нового правительства они надеются, что устанавливаются порядок и законность над вакфами. Но иногда «пережитки прошлого» мешали принятию правильных решений. В частности, мудеррис и мутавалии медресе Шарафиддин махзум Рузи увлекся наркотическим напитком из головок мака (кукнори) и не мог даже вести нормальные занятия со студентами. Также, он срубил все деревья во дворе медресе и продал их. Также, автор жалобы выразил свое беспокойство, что здание медресе находится в полуразрушенном состоянии. В связи с этим, он просит уволить Шарафиддина махсума от должностей мудерриса и мута-

валия [10, л. 2]. В ответ на это также существует обращение Шарафиддин махсума и ещё 80 человек правителю города, в котором говорится:

«Уважаемому нашему правителю, который является представителем великой государственности, обладателем желания и защитником интересов простых людей. Данное заявление от группы мусульманских ученых мужей (мулл), которые всегда молятся за вашу душу, и в ней мы говорим, что Шарафиддин махзум наш учитель. И мы ученые мужи (муллы) очень благодарны ему, и он до сегодняшнего дня не злоупотреблял по вопросам вакфа и мы не увидели ущерб с его стороны. Если говорить о занятиях он день и ночь в этом показывает свое усердие. Он всегда готов помочь тем кто, желает учиться в любой момент. С соглашением всех в первую очередь было выполнено желание того мудерриса. Двоих сыновей Бекларбеги мы сами назначили мутавалиями, они написали много клеветы в нашу сторону. Также они написали много лжи и клеветы на нашего учителя Шарафиддина махсума. Мы можем доказать необоснованность этой клеветы в адрес нашего учителя. Они оклеветали его только в целях враждебности к нему» [10, л. 6].

Вышеуказанные протivoстояния очень были кстати представителям колониальной администрации. В таких случаях они пытались не решить проблема, а наоборот осложнить его и этим создать напряженную обстановку среди представителей местного населения.

Студенты медресе должны были в обязательном порядке закончить учебу в мактабах. Студенты обеспечивались за счет вакфного имущества. Также иногородние студенты тоже обучались в медресах. Они проживали в специальных художрах в медресе. Ниже на основе данных архивных документов указаны списки студентов некоторых медресе, а также их сотрудников. Так как имена исторических личностей имеет значение в изучении социально-исторического процесса. (Приложение 1).

Вышеуказанные студенты в последующие годы занимали важные посты в социально-политической и культурной сфере города. Например, Мулла Калонбек был избран аксакалом Кукчинской части (квартала) города и долгие годы занимал эту должность [9, л. 132]. К месту нужно упомянуть, что в исследуемый период медресе Ходжа-Ахрар считался самым доходным в Сырь-Дарьинской области [3, с. 53].

Ситуация в другом крупном медресе города которое называлось медресе Буриходжа была такой. (Приложение 2).

Также в других медресе города Ташкента обучалось много студентов. (Приложение 3). После окончания медресе они работали в должностях аксакала, казия, муфтия, аглама и пр. Если говорить об учебных днях студентов, можно сказать что они отдыхали в пятницу. По сведениям Й. Абдуллаева, по средам и четвергам мудеррисы лично не преподавали студентам, они сами занимались самосто-

ательно [1, с. 8]. В другие дни студенты занимались вместе с преподавателями. В занятии они читали какой либо источник по теме и мударрис переводил им текст и комментировал детали. В основном, преподавались такие предметы, как исламская юриспруденция, разъяснения к Корану (тефсир), исламские каноны (акоид), хадисы, логика и арабский язык, которые помогали в изучении основ исламской религии. Также давались общие сведения по арифметике, геометрии, географии, медицине и образцам классической литературы.

Медресе в экономическом плане обеспечивались за счет вакфного имущества. Экономическими вопросами медресе ведал мутавалли. В некоторых случаях мутавалли также параллельно являлся и мударрисом в медресе. В качестве вакфов к медресе служили земельные площади, мастерские и магазины, мельницы, маслобойни и др. Можно также обратить внимание на вакфные доходы некоторых медресе во второй половине XIX в. Например, годовая танабона (вид налога) и урожай хараджа медресе Ходжа Ахрара насчитывали в 1080 рублей. Годовая танабона и урожай пшеницы медресе Иса ходжа кази калян (данное медресе было расположено в Себзарской части города — О.Т.) составляла сумму 482 рублей. Весь вакф медресе Баракхана — 60 рублей, а весь урожай по вакфу медресе Бекларбеги — сумму 1298 рублей [15, л. 30]. Вакфные имущества давались медресам не по их крупности и малости, а в неограниченном виде. Здесь важное место занимала воля и желание человека, который был основателем вакфного имущества.

В качестве общих заключений можно сказать, что в городе Ташкенте как и в других городах Средней Азии существовало большое количество медресе, которое занимало важное место в духовном развитии общества (в развитии науки). Ученики, которые получали начальное образование в мактабах, продолжали свое обучение в медресе, а иногда в карихана (учебное заведение, где готовились чтецы Корана). В конце XIX начале XX вв. продолжали работать многие медресе, которые действовали с ханского периода. Их рабочая деятельность была урегулирована на основе определенных правил. В советский период многие медресе были просто ликвидированы.

В последние годы в городе Ташкенте были реконструированы многие медресе и они активно используются в образовательных и культурных целях.

Приложение 1

Список работников и студентов в медресе Ходжа Ахрара вали во второй половине XIX в

Мударрисы:

1. Мулла шах Рустам охунд Олим.
2. Мулла Азизлархан Олим
3. Мулла Нормухаммад Олим
4. Мулла Абдусаттар

Мутаваллии (попечители):

1. Турахон

2. Мулла Хасанбек

Сотрудники: Наджмиддин фарраш и Садик сартарош.

Студенты:

1. Мулла Турди
2. Мулла Шамсиддинхон
3. Мулла Мухаммад Юсуф
4. Мулла Саидахмад кори
5. Мулла Абдурашидхон
6. Мулла Юсуф
7. Мулла Шамс махзум
8. Анас Махзум
9. Мулла Пулатходжа
10. Мулла Эшонбобо
11. Мулла Офтобходжа
12. Мулла Эрмухаммад
13. Мулла Абдурахмон
14. Мулла Кадиркули
15. Мулла Ашур хожи
16. Мулла Шох Афзал
17. Мулла Мирсолих муфти
18. Мулла Саримсок
19. Мулла Абдурахмон
20. Мулла Шермухаммад
21. Мулла Алимухаммад
22. Мулла Зокир муфти
23. Мулла Абдувахоб
24. Мулла Зокир муфти
25. Мулла Салим
26. Мулла Султонхон
27. Мулла Муминхон
28. Мулла Холикули
29. Мулла Садриддин
30. Мулла Кушмухаммад
31. Мулла Бойназар
32. Мулла Носир
33. Мулла Усмон
34. Мулла Якуб олим
35. Мулла Олим охунд
36. Мулла Шамсмухаммад
37. Мулла Косим
38. Мулла Саидгози
39. Мулла Муминходжа
40. Мулла Миёнмахзум
41. Мулла Али махзум
42. Мулла Хатам кули
43. Мулла Зиё
44. Мулла Хайит махзум
45. Мулла Максуд кори
46. Мулла Ахмаджон
47. Мулла Султон Махмуд
48. Мулла Махзумча
49. Мулла Зокир кори
50. Мулла Абдулхай
51. Мулла Низомиддин
52. Мулла Абдулазим
53. Мулла Бурхон кори

54. Мулла Нажмиддин
55. Мулла Афзал охунд
56. Мулла Абдулмалик
57. Мулла Замирхон
58. Мулла Давлат охунд
59. Мулла Нурмухаммад қори
60. Мулла Мусахон
61. Мулла Султон ходжа
62. Мулла Салимжон охунд
63. Мулла Мухаммад муфти
64. Мулла Иноятхон
65. Мулла Тош
66. Мулла Низом
67. Мулла Хомид
68. Мулла Кузи
69. Мулла Бобохон
70. Мулла Сотиболди
71. Мулла Максимжон
72. Мулла Хайит
73. Мулла Отохамид олим
74. Мулла Калонбек
75. Мулла Фозил [12, л. 14]

Приложение 2

Ташкентские студенты, которые живут и учатся в медресе Буриходжа:

1. Юсуфхужа Якубхужа угли
2. Азимхужа Олимхужа угли
3. Абдулқодир Саидмухаммад угли
4. Эшонхужа Ахмад угли
5. Рашидхужа Якубхужа угли
6. Исломхужа Хасанхужа угли

Иногородние студенты, которые живут и учатся в медресе:

1. Али Мулла Сулаймон угли
2. Нуриддин Абдулла угли
3. Садриддин Фахриддин угли
4. Абдулрозик Мухаммадамин угли
5. Исмоил Фатхулла угли
6. Нажмиддин Мухаммадамин угли

Иностранные студенты, живущие и учащиеся в медресе:

1. Икром Абдулсаттор угли
2. Ашур Мухаммад угли
3. Ахунжон Шохнодир угли
4. Мирсафар Абдулла угли
5. Мирзахужа Мухиддинхужа угли
6. Амирхужа Мухиддинхужа угли

Литература:

1. Абдуллаев Й. Эски мактабда хат савод ўргатиш. — Тошкент, Ўрта ва олий мактаб, 1960.
2. Булатова В. Бароқхон мадрасаси. — Тошкент, Ўзбекистон, 1977.
3. Граменицкий О. Очерки о развитии народного образования в Туркестанском крае. — Ташкент, 1916.
4. Добросмыслов А. Н. Ташкент в прошлом и настоящем. — Ташкент, 1912.

7. Зиёвуддин Шохиятхужа угли [13, л. 2]

Приложение 3

Мудеррисы и студенты в медресе Шукурхан

Мудеррисы: Мирзо Мухаммад ва Мавланхан.

Студенты:

1. Мулла Алимухаммад
2. Мулла Хожимухаммад
3. Мулла Ахмад
4. Мулла Ашур
5. Мулла Султон
6. Мулла Масъуд
7. Мулла Ризомухаммад
8. Мулла Шохбадал
9. Мулла Мухаммад Умар
10. Мулла Бобожон
11. Мулла Усмон
12. Махмудхон
13. Умар қори
14. Мулла Олим
15. Мулла Гофир
16. Мулла Хақимжон
17. Мулла Хомид
18. Мулла Хабибшоҳ
19. Мулла Саид
20. Мулла Мир

Студенты, прибывшие извне:

1. Мулла Мухаммад карим
2. Мулла Асрорқули
3. Мулла Абдулқодир
4. Мулла Мухаммад ризо
5. Мулла Дониёр
6. Мулла Усмон
7. Мулла Холмухаммад қори
8. Солихжон қори
9. Мулла Ибод
10. Мулла Мустақим
11. Мулла Олим
12. Мулла Хайриддин
13. Мулла Боймухаммад
14. Мулла Шохёқуб
15. Мулла Ашурқули
16. Мулла Анорқули
17. Мулла Қул Мухаммад
18. Мулла Ашурқули
19. Мулла Сафарқули
20. Мулла Мойлибой [14, л. 10]

5. Крюков К. С. Кўкалдош мадрасаси, — Тошкент, Ўзбекистон, 1968.
6. Маев Н. А. Азиатский Ташкент // Ежегодник. Материалы для статистики Туркестанского края. — Санк-Петербург, 1876.
7. Султонов Ў. А. Муҳаммад Солиххўжа ва унинг «Тарихи жадидаи Тошканд» асари. — Тошкент, Ўзбекистон, 2009.
8. Центральный Государственный Архив Республики Узбекистан. ф. 36, оп. 1, д. 3238.
9. ЦГА РУз. ф.36, оп. 1, д. 3106.
10. ЦГА РУз. ф.36, оп. 1, д. 39.
11. ЦГА РУз. ф.36, оп. 1, д. 449.
12. ЦГА РУз. ф.36, оп. 1, д. 450.
13. ЦГА РУз. ф.36, оп. 1, д. 451.
14. ЦГА РУз. ф.36, оп. 1, д. 453.
15. ЦГА РУз. ф.36, оп. 1, д. 455.
16. ЦГА РУз. ф.36, оп. 1, д. 4981.

ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ, СТОРОН И ЯВЛЕНИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Взаимодействие японской и европейской культуры в эпоху Мейдзи (на примере литературы)

Артеменко Надежда Ивановна, студент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Произведениями японских писателей в наши дни зачитывается весь мир. Что же способствовало появлению столь необычной и тонкой японской литературы? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо отправиться в эпоху Мейдзи — именно в этот период формируются основные черты национальной японской литературы.

Революция Мейдзи, изменив Японию в социальной, экономической и политической сферах, не могла не затронуть и её культуру. Возросшее влияние всего западного — от распространения новых для японцев европейских идей до изменения их повседневной жизни, накладывало отпечаток и на массовое сознание, а через него на литературу.

Развитие процесса европеизации в первую очередь было связано с развитием просветительского движения. Его яркими представителями были Фукидзава Юкити, Накамура Кэну и Мори Аринори. Именно они первыми и начали знакомство японцев с достижениями культуры Запада, который тогда для них представлял Англию, Америку, Францию и Россию. Парадокс, по мнению Н. И. Кохрана, заключается в том, что те самые державы, которые больше всего угрожали Японии, стали её учителями [4, с.386].

В это время широкое распространение получила переводная литература. Знакомство японцев с творческим литературным наследием стран Запада не состоялось, если бы не было плеяды талантливых переводчиков. В первые десятилетия эпохи Мейдзи наибольшей популярностью пользовались в основном английские романы — было переведено более 14 произведений Булвер Литтона, романы лорда Биконсфилда (Дизраэли) [2, с.91].

Но почему выбор пал не на классику, к примеру, той же Англии? Действительно, переводы произведений Шекспира японский читатель увидит значительно позднее — только в 1879–1886 гг. будут переведены «Король Лир», «Венецианский купец», «Как вам это понравится», «Юлий Цезарь», «Гамлет», «Ромео и Джульетта». Тогда чем же может объясняться такое доверие первых японских переводчиков — Ода Дзюнъатири, Фудзита Мокити — именно к этим двум авторам? Связь между Булвер Литтоном и Дизраэли заключается лишь в том, что они оба были политиками. Как мы знаем, в Японии к государ-

ственным деятелям предъявлялись очень жесткие требования, в том числе и в области навыков литературной работы, ими становились лишь образованнейшие люди своего времени. И быть может поэтому, перенеся некий свой «культурный стереотип» на европейских писателей, выбор остановился именно на двух политиках.

Также популярностью пользовались и произведения французских писателей — Жюль Верн, А. Дюма [5, с.50]. В них японцы наивно видели рассказы о подлинных достижениях западной науки или событиях европейской истории.

Большое влияние на развитие японской литературы оказала и русская литературная традиция. После открытия в Токио в 1873 г. Школы иностранных языков, на одном из отделений которой изучался русский язык, в Японии началось постепенно знакомство с русской литературой. В 1883 г. Такасу Дзискэ был выполнен перевод «Капитанской дочки» А. С. Пушкина [2, с.92]. Интересна обработка текста произведений и самих названий — так «Капитанская дочка» в японском варианте звучала как «Сердце цветка и думы бабочки. Удивительные вести из России», а «Война и мир» Л. Н. Толстого как «Плач цветов и скорбящие ивы, последний прах кровавых битв в Северной Европе». Стилизация названий объясняется тем, что они должны были привлечь к переводной книге читателя — рядового японца, воспитанного в недоверии ко всему иностранному.

Серьезный интерес к русской литературе возник с конца 1880-х гг., когда начался перевод с подлинников. Так, в 1888 г. Фтабатэм Симей был выполнен перевод рассказов И. С. Тургенева «Свидание», «Три встречи» [2, с.92]. Нужно отметить, что И. С. Тургенев и Л. Н. Толстой оказали огромное влияние на развитие японской литературы. Это объяснялось их духовной близостью к мироощущению японцев. Так если тургеневские произведения отличались скрытой близостью к внутреннему духу буддизма, то Л. Н. Толстого японцы называли аналитиком человеческой психики. Толстовское поэтическое восприятие мира и его понимание, что суть вещей духовна, находили живой отклик у японской интеллигенции, разочарованной засильем голого прагматизма в современной жизни [1, с.90].

Как заметил Н. И. Конрад, переводная литература была нужна в первую очередь своим содержанием, идеологией, но не формой, не внешним обликом [4, с.442]. И даже это содержание воспринималось опять-таки не в чистом литературном плане, а в плане жизненно-практическом.

Японская литературная статистика показывает, что уже в 1908 г. приходит конец господству английской и французской литератур в Японии [1, с.89]. Хотя на рубеже веков они были ориентирами для Японии, вступившей на путь модернизации, но уже к началу XX в. русская литература обогнала их по количеству переводов и по силе воздействия на умы японских читателей.

Взаимодействие японской и европейской культур в области литературы в первую очередь выразилось в формировании новых жанров в японской литературе. Стоит отметить, что японская литература, прошедшая к началу периода Мейдзи длительный путь развития, обладала довольно развитой системой жанров и сложившимся эстетическим канонам.

В то же время роль литературы в обществе домейдзийской эпохи в большинстве случаев ограничивалась лишь развлекательными функциями, была способом приятного времяпрепровождения. Это такие жанры как — гэсаку (легкая, развлекательная литература), кибёси (юмористические повести), коккейбон (жанр «забавных книг»), сярэбон (повести о «весёлых кварталах»). Но в то же время нельзя не сказать и о таком жанре как ёмихон — романов, воспевающих самурайскую доблесть и конфуцианскую добродетель. Один из примеров этого может служить «История восьми псов Нансо Сатоми» Такидзава Бакин [2, с.88]. Также в начале XIX в. на основе повестей сярэбон возникает жанр «повестей о чувствах» — ниндзэбон. Признанным шедевром в этом жанре является роман Тамэнага Сюнсуи «Сливовый календарь любви» (1832–1833) [2, с.88].

Однако в эпоху широкого общественного движения ни переводная литература, ни развивающаяся публицистика уже не могли полностью удовлетворить потребности общества. К тому же начавшиеся репрессии правительства к организации «Движение за свободу и народные права» привели к тому, что его деятели практически лишились возможности использовать обычные формы политической борьбы — собрания, демонстрации, публицистику. Необходимость высказывать свои мысли в такой сложной обстановке породила своеобразный жанр японской литературы — политический роман (сэйдзи сёсэцу). Под этим названием выходили разнородные произведения: роман, исторические сочинения, политическо-просветительская литература.

Первые признаки формирования этого жанра появляются в 1879–1880 г. — произведения Рюсуйтэй Танэкио и Тода Киндо. В этом время политическая беллетристика существует как бы в тени переводной литературы, однако с 1883–1884 г. она начинает занимать все более и более видное место. Её расцвет относится к 1885–1888 г., после чего значение ее идет на убыль.

Политический роман возник на волне общественного интереса к вопросам внешней и внутренней политики в период, когда в Японии создавались первые политические партии, разрабатывался проект конституции, шла подготовка к учреждению парламента и поднимался вопрос о пересмотре неравноправных договоров.

И, несомненно, в его появлении нетрудно различить европейское влияние, если вспомнить, что первыми романами, переведенными на японский язык, были произведения двух английских политиков — Булвер Литтона и Дизраэли.

Политические романы носили просветительский характер, а его авторами были по преимуществу политические и общественные деятели. Они прибегали к литературе как средству популяризации своих идей среди широкой публики. Это свидетельствует о значительном повышении статуса литературной деятельности в мейдзийском обществе.

Так, автор одного из первого политических романов «Волны бурного моря» (1880) Тода Киндо был участником движения за социальные реформы. И именно поэтому в свое произведение он с помощью аллегории заключил идею обретения народом своих прав.

Два видных деятеля Прогрессивной партии — Яно Рюкей («Прекрасная повесть об управлении государством», 1883) и Фузита Мэйкаку («Благородное дело спасение народа», 1887) тоже не обошли своим вниманием литературное поприще. В своих произведениях они, анализируя исторические события в Древней Греции и Китае времен династии Мин, проводят параллели с современной им политической обстановкой в Японии.

Тему борьбы с неравноправными договорами, столь остро стоящую для Японии в тот период, поднял Токай Санси в романе «Удивительные встречи с красавицами» (1885–1897). В нем выражалось сочувствие странам, страдающим под игом сильных государств.

Своего полного развития жанр политического романа достиг во второй половине 1880-х гг. в преддверии открытия парламента. Одним из ярких представителей этого периода был Суэхиро Тэттё, известный журналист и редактор газет, который вел активную кампанию против правительственных законов против печати. В его наиболее известном романе «Цветы сливы в снегу» (1886) замечен важный этап в «Движении за свободу и народные права» [3]. Автор отразил здесь резко враждебную позицию против борцов «движения за народные права» и это было связано в первую очередь с изменением взглядов идеологов японского просветительства, которые напуганные размахом народного движения, и примкнули к правительству, став противниками этого движения. Суэхиро Тэттё был одним из таких просветителей. Окрестив их экстремистами, Тэттё объявил их врагами Японии, подстрекающими народ к беспорядкам. В этом смысле сегодня роман имеет определенный интерес для истории общественной мысли Японии, поскольку он как бы иллюстрирует причины поражения движения за народные права.

Интересным покажется факт появления в Японии политических романов о русских нигилистах, народниках. Этот факт как нельзя лучше отразит взаимодействие культур этих двух стран. Первым из таких произведений можно считать роман Миядзаки Мюрю — «Демоны вопиют» [1, с.87]. В целом при всей общественной значимости политического романа художественная ценность его была весьма относительна. Но это одно из интересных произведений о народниках среди книг, появившихся в Японии в 1880-е гг., которое познакомило японцев с революционной борьбой.

Политический роман в определенной мере показал значение литературы не только приятного времяпрепровождения, но и как важного фактора культурной и общественной жизни страны. Резко расширились рамки жанровых возможностей японской литературы, ограниченные до того времени разными видами повестей гэсаку.

Именно в этот период начинает активно формироваться своеобразная японская литература. В своих романах японские писатели начинают затрагивать важные проблемы социального характера послемейдзийского общества: женское бесправие (Токутоми Рока «Лучшее не жить» 1898), положение эта (Сидзамаки Тосон «Нарушенный Завет» 1906), итоги двадцатилетнего социально-политического развития страны (Токутоми Рока «Курисио» 1902).

Появляются новые жанры — исторические романы (Такаяма Катай «Минамото Еритомо» (1924), «Сто ночей» (1927); Мори Огай «Посмертное письмо Окицу Ягэмона» (1912).

Под влиянием французского натурализма возник жанр эгоромана. Это было вызвано требованием правдивости повествования, которое японские писатели восприняли несколько иначе. Поскольку автор мог с полной достоверностью ручаться только за свои мысли и переживания, то они и стали главным содержанием эгороманов. С другой стороны влияние оказала и русская литература — со стремлением раскрытия человеческой личности, утверждения ее самооценности. Начало «повестей о себе» положил рассказ Такаяма Катай «Постель» (1907). В нем автор изложил историю своей любви и свои переживания по данному поводу.

В цепочке произведений о «маленьком человеке» не трудно различить влияние русских писателей. Такаяма Катай «Сельский учитель» (1909), «Время уходит» (1916).

Реформирование жанров происходило и в области поэзии. Сложившиеся еще в средневековье стихотворные формы танка и хайку уже не отвечали потребностям новой эпохи. Необходимость обновления поэтического канона осознавалась многими поэтами, стремившимися отклик-

нуться на важные перемены в жизни общества. Первоначально гражданские и просветительские идеалы в поэзии оказались легче всего выразить в канси — стихах на китайском языке. В 70-х гг. XIX в. даже возник ряд журналов, печатающих новые канси. Однако эти далеко не каждому доступные произведения не могли заменить поэзию на родном языке, а служить средством ознакомления широкой публики с европейским наследием. Требовалось создание новых форм национальной поэзии, получившей название синтайси — «стихи нового стиля». В них не ограничивался объем стихотворения, допускалась относительная свобода метрики, был значительно обновлен поэтический словарь. Появление в 1882 г. «Сборника стихов нового стиля», содержащего переводы произведений некоторых западных поэтов — Теннисона, Кингсли, Кэмпбелла и др., а также оригинальные стихотворения составителей сборника, профессоров Токийского университета Тояма Тюдзан, Ятабэ Сёкон и Иноуэ Сэккэн, положило начало движению «за создание стихов нового стиля».

Продолжили реформирование поэзии танка (вака) и хайку Есано Тэкан (1873–1935) и Масаока Сики (1867–1902). В 1899 г. они создали «Общество новой поэзии». В его уставе заявлялось, что его члены отказываются следовать признаваемым за эталон стихотворениям поэтов древности и будут руководствоваться исключительно собственным пониманием сущности поэзии вака [2, с.178].

Также огромное влияние на развитие современной поэзии танка, обновление ее тематики и языка оказало творчество крупнейшего поэта начала века — Исикава Такубоку (1886–1912). Он ввел в свои танка круг тем, которые до того времени считались прерогативой поэзии нового стиля [2, с.178].

Несомненно, невозможно отрицать влияние Запада на развитие японской литературы. Распространение переводной литературы, во-первых, напитала японских писателей новыми, до сих пор неизвестными им идеями просветительства, а во-вторых, показало им образцы совершенно других тем, сюжетов и литературных форм. Приобщение к мировому литературному сообществу дало толчок развитию в Японии таких литературных жанров как романтизм, натурализм и реализм. И особенностью здесь стало то, что, несмотря на огромный объем заимствований, традиция не только сохранилась, но и получила дальнейшее развитие. В поэзии об этом свидетельствует обновление жанров танка и хайку. В области прозы примером может служить возникновение на основе европейского натуралистического романа такого специфически японского жанра, как «повесть о себе» (си-сёсэцу).

Литература:

1. Вартаньян Э. Г. Интеграционные процессы в культурах стран Запада и Востока. — Краснодар, 2013.
2. Гришелева Л. Д., Чегодарь Н. И. Японская культура Нового времени. — М., 1998.
3. Иванова В. И. Японский политический роман Суэхиро Тэттё «Слива под снегом в Корее». URL: <http://koryo-saram.ru/yaponskij-politicheskij-roman-suehiro-tettyo-sliva-pod-snegom-v-koree/> (дата обращения: 25.09.2017).

4. Конрад Н. И. Японская литература от «Кодзики» до Токутоми. — М., 1974.
5. Пинус Е. М. Краткая история японской литературы. — М., 1975.

Некоторые аспекты технического обеспечения внутренних войск в первые годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)

Ларичев Олег Владимирович, курсант;

Уськов Денис Олегович, курсант;

Иванов Владимир Степанович, доцент;

Стрельцов Роман Вячеславович, кандидат педагогических наук, старший преподаватель

Пермский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации

В статье рассматриваются вопросы, связанные с техническим обеспечением Красной Армии и внутренних войск СССР в первые годы Великой Отечественной войны. Раскрываются основные проблемные вопросы технического обеспечения в период начала войны.

Ключевые слова: техническое обеспечение, эксплуатация, Великая Отечественная война, дивизия, НКВД, снабжение, эвакуация, ремонт

22 июня 1941 года фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз. На огромном пространстве развернулись невиданные по своему размаху кровопролитные сражения. Войска НКВД (народный комиссариат внутренних дел) СССР в годы войны были представлены пограничными, внутренними (на базе оперативных войск), конвойными войсками, войсками по охране тыла действующей Красной Армии, правительственной связи, по охране особо важных предприятий промышленности, по охране железных дорог.

По состоянию на 1 июля 1941 г. в оперативных войсках насчитывалось: отдельная мотострелковая дивизия особого назначения (ОМСДОН) (по организации была сходна с мотострелковой дивизией РККА, и обучалась по программам боевой подготовки подразделений Красной Армии) и 3 мотострелковые дивизии (всего 10 мотострелковых и один кавалерийский полк), 7 отдельных полков (три мотострелковых, три кавалерийских и один стрелковый), 3 отдельных стрелковых батальона и одну отдельную роту. По мобилизации было сформировано еще шесть полков и два батальона.

Мотострелковые полки оперативных войск НКВД должны были входить в состав дивизий. Их, в целом, можно сравнить с мотострелковыми полками РККА. В некоторых мотострелковых полках по довоенным штатам было положено иметь танковую роту (11 танков БТ-7 и 3 танка Т-38, а по штатам военного времени — 17 танков БТ-7 и 5 танков Т-38), в состав кавалерийских полков — танковый эскадрон. Однако с началом войны полностью оснастить части этой техникой не всегда удавалось [1, 67].

Самой большой бронечастью в НКВД накануне войны был танковый батальон ОМСДОН. С началом войны он разворачивался в танковый полк, но уже осенью 1941 г. полк был переформирован в два танковых батальона. В боевых действиях эти части участия не принимали, од-

нако участвовали в борьбе с бандитизмом в западных районах страны. Войска располагали 312 танками БТ-7 и Т-38, 50 бронеплощадками БА-20, ФАИ, БА-27М.

В войсках НКВД по охране железнодорожных сооружений и особо важных предприятий промышленности числилось 25 бронепоездов, в том числе в приграничных округах — 12. Всего к началу Великой Отечественной войны на вооружении войск НКВД находилось: 34 бронеплощадки, 36 мотоброневозов и 21 бронепаровоз. Материальная часть отечественных бронепоездов обычно состояла из бронированного паровоза, двух-четырёх бронеплощадок, площадок противовоздушной обороны и четырёх (реже двух) контрольных платформ. Бронирование паровоза составляло на разных бронепоездах от 10 до 20 мм. Бронепаровоз обычно располагался посередине бронепоезда за бронеплощадкой, которая представляла собой усиленную четырехосную или двухосную железнодорожную платформу, имеющую стальной корпус и располагала одной или двумя артиллерийскими башнями. Самыми новыми на момент начала войны считались бронеплощадки образца ПЛ-37 с толщиной брони 20 мм и артиллерийским вооружением из двух 76-мм пушек образца 1902/30 г. и пулеметов. Боекомплект данной бронеплощадки составлял 560 снарядов и 28500 патронов к пулеметам. Наиболее распространенным и совершенным типом бронепоездов во второй половине Великой Отечественной стал разработанный в 1942 году бронепоезд образца 1943 года — БП-43. Как правило, БП-43 состоял из бронепаровоза ПР-43, размещенного в середине состава, четырех артиллерийских бронеплощадок ПЛ-43 с башнями от танков Т-34 (по две бронеплощадки по обеим сторонам бронепаровоза), двух бронеплощадок с зенитным вооружением ПВО-4, которые располагались по обоим концам бронепоезда, а также контрольных платформ. Бронеплощадки ПВО-4 обычно имели на воору-

жении две 37-мм автоматические пушки и бронирование ходовой части, а артиллерия была представлена только 76-мм орудиями бронепоездов. Каждая дивизия (бригада) войск по охране железнодорожных сооружений являлась скорее территориальной, нежели тактической единицей — в зоне ответственности соединения находилось несколько железных дорог, на которых они осуществляли охрану объектов [2, 108].

С 22 июня 1941 г. по 1 июня 1943 г. было потеряно в боях 15 бронепоездов НКВД, 8 было восстановлено и введено в строй. Столь большие потери свидетельствуют не только о том, что войска НКВД активно участвовали в боях на фронте Великой Отечественной войны, но и об уязвимости бронепоездов, легко становящихся добычей немецких танков или авиации. За период с июня по сентябрь 1941 г. войска НКВД потеряли безвозвратно до 9 мотоброневагонов.

Войска НКВД по охране железнодорожных сооружений осуществляли охрану инфраструктуры железных дорог (мосты, тоннели, водокачки). Для охраны каждого объекта выделялся отдельный гарнизон численностью от 16 до 50 военнослужащих. Несколько гарнизонов составляли роту, а две-три роты — батальон. Типового штата полка или отдельного батальона не существовало — их численность зависела от количества и типа выставляемых гарнизонов, что, в свою очередь, было обусловлено характеристиками охраняемых объектов. В подчинении командира полка (отдельного батальона), таким образом, оказывалось несколько десятков немногочисленных гарнизонов, рассредоточенных на значительной территории. Единственным средством усиления являлась резервная рота численностью от 109 до 154 чел. и в некоторых полках — бронепоезд.

Численность и состав дивизии или бригады войск НКВД по охране железнодорожных сооружений зависели от количества и важности объектов, находящихся под охраной. Так, например, 6-я дивизия по охране железнодорожных сооружений состояла из трех полков, трех отдельных батальонов, отдельной роты и насчитывала 4209 чел. личного состава, а 9-я дивизия по охране железнодорожных сооружений — 6314 чел. в составе четырех полков. В соединениях отсутствовали саперный, разведывательный, медико-санитарный и автотранспортный батальоны и батальон связи, а артиллерия была представлена только 76-мм орудиями бронепоездов.

Таким образом, каждая дивизия (бригада) войск по охране железнодорожных сооружений являлась скорее территориальной, нежели тактической единицей — в зоне ответственности соединения находилось несколько железных дорог, на которых они осуществляли охрану объектов.

Схожие принципы были положены в основу строительства соединений войск НКВД по охране особо важных предприятий промышленности. К началу войны войска по охране особо важных предприятий промышленности насчитывали одну дивизию и четыре бригады, охранявших

предприятия военно-промышленного и энергетического комплекса, а также важнейшие радиостанции. В соответствии с планом охраны объекта определялась численность подразделения, осуществлявшего эту охрану (она колебалась от 33 до 609 военнослужащих). Несколько подразделений объединялись в полк или отдельный батальон, хотя различие, так же, как и в войсках по охране железнодорожных сооружений, могло быть лишь в названии. Так, 90-й отдельный батальон 23-й бригады, охранявший предприятия в Перми и Краснокамске, имел штатную численность личного состава 705 чел., а 174-й полк, дислоцировавшийся в Москве, — 775 чел. Единственная в войсках по охране особо важных предприятий промышленности дивизия (11-я) объединяла части, расположенные в Москве и Московской области. Подразделения боевого и тылового обеспечения отсутствовали, так же, как и артиллерийское вооружение.

Конвойные войска, включавшие две дивизии и семь отдельных бригад, выполняли задачи по конвоированию осужденных и внешней охране некоторых тюрем и других объектов. Специфика выполняемых задач обуславливала компактное размещение частей в крупных населенных пунктах, что позволяло содержать полки и отдельные батальоны на основании типового штата. Отличительной чертой полков конвойных войск являлось наличие в них минометов — взвод из 4 ротных минометов в составе пулеметной роты. Однако на уровне соединений артиллерия отсутствовала. Сами соединения конвойных войск, также представляли собой сумму частей, дислоцированных на определенной территории и объединенных штабом бригады или дивизии.

Соединения и части внутренних (оперативных) войск вступили в боевые действия или приступили к выполнению СБЗ в тылу действующей армии с той системой технического обеспечения, какой она была сформирована перед войной, но по штатам военного времени. Основными задачами этой системы являлось обеспечение войск вооружением, боеприпасами и АБТИ, организация обслуживания и ТР вооружения и техники [3, 165].

Отрицательно сказалось на восстановлении боеспособности наличие в частях в основном тихоходных тракторов ЧТЗ-65 (скорость 4–7 км/ч), которые не могли полностью справиться с возложенными на них задачами. Вследствие этого эвакуация поврежденных танков практически осуществлялась в незначительном количестве. Многие из поврежденных машин оставались на территории, занимаемой противником, что явилось одной из причин больших потерь бронетанковой техники, в том числе в частях войск НКВД, участвующих в боевых действиях.

В приказе НКО СССР отмечалось, что:

— «имелись упущения в организации учета и эксплуатации автомобильного транспорта;

— в вышестоящих штабах не знали наличия и технического состояния автотранспорта, что создавало значительные трудности в организации подвоза ВТИ потребителям;

— заявки на потребность машин и тракторов давались произвольно, без учета, что положено по штату и что имеется налицо;

— виновные лица, бросившие машины, тракторы и небрежно относящиеся к сбережению материальной части, к ответственности не привлекались;

— ремонт машин организован плохо, многие машины выходили из строя и оставались как неисправные в то время как они требуют незначительного ремонта, но своевременно не ремонтируются, никем не охраняются и приводятся в полную негодность путем снятия с них деталей и агрегатов;

— много машин посылается на большие расстояния распоряжением командира взвода, роты для мероприятий, ничего общего с нуждами фронта не имеющими».

Таким образом, техническое обеспечение войск в начале Великой Отечественной Войны, было не на должном уровне, подразделения сталкивались с проблемами обеспечения материальными средствами, военно-техническим имуществом, способами эвакуации поврежденной техники, в свою очередь, высветившиеся проблемы позволили в кратчайшие сроки усовершенствовать техническое обеспечение и вывести его на новый уровень.

Литература:

1. Внутренние войска Советской республики. Документы и материалы. М., «Юридическая литература». — 1972. — 675 с.
2. Иванов В. С. История становления и развития системы технического обеспечения внутренних войск МВД России // Монография. Пермь: Пермский военный институт внутренних войск МВД России, 2015. 166 с.
3. Стрельцов Р. В., Иванов В. С., Реймхе А. И. Некоторые аспекты технического обеспечения внутренних войск в период 1917—1920 годов / Новая наука: проблемы и перспективы. Материалы Международной научно-практической конференции // Стерлитамак, РИЦ АМИ. С. 164—167.

Павел I: непризнанный реформатор на рубеже веков

Махаматова Саида Таировна, кандидат экономических наук, ассистент
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (г. Москва)

Историки по-разному относятся к правлению императора Павла I. Отношение это противоречиво, как и сама личность Павла Петровича. В данной статье автор пытается рассмотреть мотивы принятия некоторых наиболее важных политических решений императора и понять почему Павел не смог удержать свою власть, несмотря на объективность своих

Ключевые слова: император Павел I, Франция, Наполеон, Екатерина II, крестьяне, «Золотой век», «Трёхдневная барщина», английский двор

Император Павел Петрович, пожалуй, самая загадочная и противоречивая фигура XVIII века. До сих пор ведутся споры относительно его правления. Больше пользы или вреда принесло четырехлетнее правление?

«Романтичный император», — именно так называл Павла А. С. Пушкин — взшел на престол, когда ему было уже 43 года. По меркам XVIII века — возраст солидный. Сам Павел неоднократно повторял: «Я слишком поздно взшел на престол. Я ничего не успею сделать».

Первые шаги, предпринятые Павлом в качестве императора, были направлены на искоренение результатов предыдущего екатерининского правления. Долгий семейный конфликт между матерью и сыном, длившейся более 20 лет, привел к тому, что новый император хотел стереть с лица истории все, что сделала его предшественница. Это было понятно. Мать, незаконно выхватившая престол сначала у отца, Петра III, затем у Павла, абсолютно не собиралась делиться с цесаревичем властью.

Сначала Екатерина давала понять, что ее правление можно считать как регентство до совершеннолетия Павла, но по истечении этого срока императрица как будто забыла про первоначальный уговор. И вот, Павел в течение 25 лет упорно и настойчиво ждал, когда же наступит момент его правления. Когда же этот момент наступил, император со свойственной ему нетерпеливостью стал лихорадочно претворять в жизнь империи свои идеи, которые созрели в Гатчине за время его пребывания там.

Одна из них касалась армии. Еще будучи цесаревичем Павел сформировал свой собственный Гатчинский полк. Каждый день он муштровал его, пытаясь походить на своего кумира прусского короля Фридриха II. По мнению Павла, прусская армия являла собой пример дисциплины и выдержанности, которую император хотел внедрить и в русскую армию, так как во время правления Екатерины она стала распушенной в условиях вседозволенности. «Часто о времени правления Павла I говорят

как о времени принуждения к дисциплине, муштры, деспотизма, произвола. На самом деле он боролся с расхлябанностью в армии и вообще в жизни России того времени и хотел поставить государственное служение высшей доблестью, прекратить казнокрадство и нерадивость и тем самым спасти Россию от угрожавшего ей развала» [2]. Борьба с распушенностью коснулась не только армии, но и дворян, которые привыкли к вольной жизни в период Золотого века. Озлобленная аристократия ввела ответные меры против императора, начав атаку насмешливыми памфлетами и слухами в адрес правителя. В результате за Павлом стала закрепляться репутация взбалмошного, недалекого и даже сумасшедшего человека, которого опасно держать за рулем империи. Хорошо придуманный дворянами негативный образ императора был закреплен в литературе и истории и дошел до наших дней. Многие выдуманные эпизоды из правления Павла I воспринимаются за истину. Например, случай, когда император разгневался во время вахт-парада на один полк и высказал свое недовольство командиру в довольно резкой форме, что «полк не годен и его надо отправить в Сибирь» превратился в устах екатерининских дворян в историю, что якобы император в порыве горячности приказал всему полку маршировать прямо с парада в Сибирь.

Дополнительное недовольство Павлом вызвал манифест о «Трёхдневной барщине», которая запрещала эксплуатировать крестьян в воскресный день. Идея данного манифеста также зародилась еще в период жизни Павла в Гатчине и Павловске. У себя в имениях цесаревич построил больницы и школы для крестьян, выделял свободное время для отдыха. Павел Петрович является первым правителем в истории Романовых, кто задумался о положении крестьян. Павел, будучи еще цесаревичем «настаивал на необходимости законодательного урегулирования положения крепостных. »Человек, — писал Павел, — первое сокровище государства«, »сбережение государства — сбережение людей« (»Рассуждение о государстве«). Если смотреть более глобально, то в то время нигде не было такого закабаления человеческих душ, как в Российской империи, кроме Соединенных Штатов Америки, где существовало рабство на Юге. Но, поскольку это была недавно рожденная страна, то ей можно это еще простить, потому что формирование всякой державы основано на принципах угнетения. Старая и сформировавшаяся Европа уже давно отказалась от какого-либо закабаления определенного класса, хотя оно и проявлялось в форме вседозволенности самодержавия по отношению к малоимущим. Россия же в то время открыто использовала форму безжалостной эксплуатации крестьян, что было уже не гуманно для XVIII века, а если говорить про то, что Екатерина II была просвещенным монархом, всячески показывавшей свою либеральную позицию и переписывавшаяся с известными свободолюбивыми мыслителями того времени — Вольтером и Дидро, то страна должна была уже отказаться от крепостничества в период правления Екатерины, но та не спешила с освобождением крестьян, а еще

больше угнетала их. Возможно, что на нее действовал пугачевский бунт и страх потерять хотя бы крупицу своей власти. Так или иначе, но для крестьян Золотой век дворянства стал самым большим периодом угнетения.

Конечно, процесс реализации данного закона претерпевал трудности, так как страна укоренилась в своих взглядах о крепостничестве и считала такое положение вещей вполне допустимым. Полностью Российская империя отменила крепостное право лишь в царствование Александра II в 1861 году, почти в то же самое время, что и США отвоевали свободу неграм в Гражданской войне Севера с Югом.

Но Россия к 1861 году была уже готова отказаться от крепостничества и, поэтому, реформа Александра II не была встречена угрожающим ропотом разъяренных дворян-помещиков, как это случилось с императором Павлом.

Постепенно, все возрастающее число недовольных правлением Павла I стало обращать свои взоры на юного цесаревича Александра, законного наследника Российской империи. Чтобы, наконец, навести порядок в процессе передачи короны, император 5 апреля 1797 года издал указ о праве престолонаследия. Раньше, согласно закону Петра I, наследником считался тот, кого назначал император. Такая неопределенность привела к эпохе дворцовых переворотов, которым был полон XVIII век. «С того момента престол наследовался по мужской линии, после смерти императора он переходил к старшему сыну и его мужскому потомству, а если не было сыновей, к следующему по старшинству брату императора и его мужскому потомству, в том же порядке. Женщина могла занимать престол и передать его своему потомству только при пресечении мужской линии», что означало конец женского века правления. [2] Павел блестяще создал условия для выполнения данного закона — императрица Мария Федоровна подарила ему 10 детей: 4 сыновей и 6 дочерей.

Не только высшие дворянские круги стали с надеждой наблюдать за цесаревичем Александром, но и английский двор. Внешнеполитическая обстановка того времени была довольно напряженной. Недавно произошла Великая Французская революция и старый механизм самодержавия со скрипом переходил в новый век. Павел, как ярый противник всего революционного, заключил мир с противниками Французской республики: Англией, Турцией и Австрией. Но так как каждая держава имела свои интересы в данном сотрудничестве, то коалиция вскоре распалась. Швейцарский поход Суворова был блистательным, но насладиться победами Российской империи не удалось. Австрийцы, обеспокоенные победами русской армии, решили поубавить ее пыл. Эрцгерцог Карл, выведя свои основные войска из Швейцарии, оставил Корсакова наедине с огромной 60-тысячной армией французского генерала Массена. Павел не простил предательства и решил пойти на сближение с Наполеоном: «Что касается сближения с Францией, то я бы ничего лучшего не желал, как видеть ее прибегающей ко мне, в особенности как противовесу Австрии ...» [1, с. 240].

Наполеон также был заинтересован в сближении с Россией, так как в стане европейских государств у него союзников не было. Первое официальное письмо от императора французов Павел получил 9 декабря 1800 года, где Наполеон пишет о взаимовыгодном сотрудничестве. Процесс сближения двух держав шел ускоренными темпами, так как имели общие цели и общего врага — Англию, которая оказывается в кольце направленной против нее коалиции: Франция, Россия, Швеция, Пруссия, Дания, Голландия, Италия и Испания.

Английский двор Павлу этого не простит и в скором времени примет участие в заговоре против императора. А Павел вместе с Наполеоном строил планы по изменению мира: здесь и покорение Индии, и раздел Турции и даже захват Ирландии. Поход в Индию планировался в мае 1801 года, но в марте того же года случилось непредвиденное событие.

В мрачных кулуарах Михайловского замка, в том самом замке, который построил император как свою защиту и крепость, панически боясь всевозможных покушений и заговоров, зрела интрига, во главе которой стоял ближайший и «верный» соратник императора граф Петр Пален. Перед тем как подойти к роковому дню 11 марта 1801 года необходимо оценить внутривластную обстановку павловского двора. Как и любое окружение всякого правителя царедворцы Павла разделились на несколько партий, одна из которых во главе с Н. П. Паниным придерживалась союза с англичанами. Состояла она из таких могущественных лиц как С. Р. Воронцов, Н. П. Панин, О. А. Жеребцова, сестра последнего екатерининского фаворита Платона Зубова, английский посол Уитворт, позже к ним примкнули братья Зубовы и Орловы. Именно внутри этой партии стал зреть заговор против Павла. Поначалу был план регентства, который предложил Уитворт. Позже к заговорщикам примкнула ключевая фигура — цесаревич Александр Павлович. Павла I планировалось отстранить от власти, сохранив ему символическую власть. Но перевороты в Российской империи редко заканчивались сохранением жизни для свергнутого правителя. Единственное исключение составляет Иоанн Антонович. Елизавета Петровна сохранила ему жизнь взамен на пожизненное заключение. Пришедшая к власти Екатерина имела шаткое положение в силу незаконности правления и не захотела рисковать. До сих пор неизвестно доподлинно подробности убийства Иоанна Антоновича. Был ли это неудачный побег, либо провокация со стороны охранявших его людей, побудивших узника к агрессивному поведению, а может и просто задушили во сне. Факт остается фактом — Павлу никто не собирался оставлять жизнь. Каждый это понимал. Цесаревич, одурманенный речами умелых царедворцев Панина и Палена, согласился на переворот в его пользу.

Сторонников у Павла было также немало: канцлер Ростопчин, который был за союз с Наполеоном, граф Аракчеев. Но сплоченность у этой партии отсутствовала, а Ростопчин и вовсе вскоре попадет в отставку, пав жертвой

внезапной смены настроения императора. И накануне убийства рядом с Павлом не осталось верных людей: часть прогнал сам Павел, а часть была убрана с дороги заговорщиками с помощью клеветы.

За день до убийства Павла Первого генерал-губернатор фон Пален приносит императору документ с фамилиями главных заговорщиков, где также стояли имена императрицы, цесаревича Александра с женой и цесаревича Константина. Павел решает их немедленно арестовать, но Пален медлит и призывает Павла подождать, чтобы не спугнуть заговорщиков. Павел соглашается. После этого разговора генерал-губернатор направляется в покои Александра и передает разговор с императором, провоцируя цесаревича на согласие переворота, в коем Александр еще колебался.

Александр очень хорошо знал своего отца и понимал, что Павел добровольно никогда не согласится оставить престол, которого он так ждал 34 года. На стороне заговорщика также и Елизавета Алексеевна, жена цесаревича. После долгих и мучительных колебаний Александр соглашается.

Известие о том, что Павел все узнал и уже подписал указы об аресте сильно напугало заговорщиков и с разрешения Александра было решено действовать немедленно.

В ночь с 11 на 12 марта 1801 года пьяные от страха и хмеля заговорщики ворвались в спальню императора. На требование отречься от престола Павел сказал, что никто не имеет права требовать этого. После этого, по версии присутствующих в комнате той ночью, один из братьев Зубовых Николай схватил золотую табакерку и ударил императора в висок.

Один удар изменил всю раскладку сил на мировой арене. Англия заполучила долгожданного союзника против Франции — Россию, а Наполеон сильного врага в лице Александра. После полученного известия о смерти Павла Наполеон скажет: «Они промахнулись по мне 3 нивоза, но попали в меня в Петербурге!». [1, с. 247] Французский император не сомневался в причастности Англии к убийству, и, уже будучи в ссылке на острове Святой Елены, вспоминал: «Без сомнения, смерть императора Павла спасла Англию». [1, с. 247]

Павел Петрович был талантливым реформатором и, будь он чуть гибче и более терпимым к недостаткам царедворцев, то правление его было бы не столь коротким. Даже стопроцентное самодержавие не спасает от последствий неправильных и опрометчивых шагов. Екатерина II продержалась намного дольше своего сына, потому что создала окружение из верных людей, поддерживала их и прощала многое, а они взамен охраняли ее власть. К моменту прихода Павла I екатерининские вельможи имели в руках все нити государственного управления, которые новый император попытался оборвать. И этот круг царедворцев, формировавшийся на протяжении 34-летнего правления Екатерины не позволил манипулировать собой. Павел желал навести порядок в империи, но не смог отличить жесткость от жестокости. Если задаться вопросом почему же Петр Ве-

ликий, на которого так хотел походить Павел, смог обуздать дворян и многовековой уклад, то заслуга его состояла в способности окружить себя вернейшими людьми, которых холил во вседозволенности. Меньшикову прощалось абсолютно все. Правнук Петра не допускал даже малейшей провинности своим родным, а также верным соратникам,

которые и могли стать надежной опорой. Его стали бояться и жена, и сыновья — все, кто его окружал. Этим и воспользовались заговорщики.

Начало XIX века ознаменовалось приходом к власти нового императора Александра I. Романтичный император Павел I пробыл на троне 4 года, 4 месяца и 4 дня.

Литература:

1. Оболенский Г. Л. Император Павел I. — М.: Русское слово, 2000. — 384 с.
2. Реформы Павла I // История Российской империи.
3. URL: <http://www.rosimperija.info/post/84> (дата обращения: 14.10.2017).

Реакция советской прессы на Апрельскую революцию в Афганистане и восстание в Герате в марте 1979 г.

Нарышкина Варвара Сергеевна, магистр
Иркутский государственный университет

Для того чтобы приступить к изучению реакции прессы на советское военно-политическое вмешательство в дела Афганистана, целесообразно кратко охарактеризовать те важные политические события, которые предшествовали вводу войск в это государство.

1 января 1965 года, в условиях еще монархического государства создается Народная Демократическая Партия Афганистана (НДПА). Логично предположить, что официальные власти могли бы воспротивиться её появлению, но её лидер Мухаммад Дауд был двоюродным братом короля Мухаммеда Захир-Шаха.

Осенью 1966 года в рамках НДПА оформляются две фракции: «Хальк» («Свобода») — лидеры Тараки и Ашин и «Парчам» («Народ») — руководитель Бабрак Кармаль. Мирное существование двух фракций будет относительно недолгим.

17 июля 1973 года в Афганистане происходит важнейшее событие, положившее начало новому этапу социально-экономического и политического развития страны. НДПА организывает заговор и свергает короля Мухаммеда Захир-Шаха. К власти приходит Мухаммад Дауд.

В течение всего своего правления Мухаммад Дауд стремился к установлению единоличной, неограниченной власти, не отказываясь при этом от финансовой поддержки со стороны Советов [2, с. 73–74]. В конечном итоге, Дауд, опасаясь потери власти, исключает из кабинета министров своих политических оппонентов и разворачивает настоящий, открытый террор против членов НДПА.

Все это стало причиной его свержения. 27 апреля 1978 года войска, верные двум фракциям НДПА «Хальк» и «Парчам» вошли в Кабул и взяли штурмом дворец Дауда.

Выше изложенные события вошли как в отечественную, так и в западную историографию под названием Саурской или Апрельской революции.

Советская пресса незамедлительно реагирует на апрельские и майские события в Афганистане. Все сообщения в периодической печати соответствовали прямым указаниям советских руководителей. Общественность была немедленно проинформирована о злодеяниях Дауда и перспективах экономического и политического развития страны под руководством нового кабинета министров.

Публикации в советской прессе, касающиеся Апрельской революции заключали в себе много правдивой информации. Это объясняется тем, что апрельский государственный переворот рассматривался политическим руководством СССР как позитивное событие в процессе взаимоотношения наших стран. Ведь к власти пришли радикально настроенные коммунистические элементы. Можно предположить, что если бы в результате Апрельской революции власть в Афганистане захватили люди прозападной, капиталистической ориентации, то Москва отреагировала бы на это как на опасную контрреволюцию.

Благодаря публикациям в периодической печати, советская общественность позитивно восприняла и Апрельскую революцию в Афганистане, и подписание серии советско-афганских договоров. Вокруг личности премьер-министра Тараки создавался ореол лидера Афганского народа, последователя марксистско-ленинской идеологии, который стремится к достижению благосостояния своей страны.

Советские руководители не посчитали нужным сообщить через средства массовой информации о нарастающем терроре внутри НДПА.

Советская пресса, опубликовав ряд официальных заявлений правительства Афганистана, отреагировала на события в Герате как на контрреволюционный мятеж и происки империалистических сил. «Вчера по кабульскому радио было передано заявление правительства ДРА. Как указывается в заявлении, примерно, полтора месяца назад

радио Тегерана сообщило, что Иран собрал 7000 афганских граждан и возвращает их в Афганистан. На самом деле, это были не граждане Афганистана, а переодетые иранские солдаты. Часть из них удалось разместить в Герате и его окрестностях и организовать там беспорядок», — говорилось в сообщении ТАСС от 19 марта 1979 г [3, с. 6].

Последующие публикации информировали о том, что мятеж подавлен, а виновники беспорядков понесут наказание. «Наемники и контрреволюционные бандиты, устроившие беспорядки в Герате, и столкнувшиеся с правительственными войсками были разгромлены» [1, с. 1].

Литература:

1. Красная звезда. — 1979. — 22 март.
2. Советские военные интервенции в Венгрии, Чехословакии и Афганистане: сравнительный анализ процесса принятия решения: [Пер. с англ.] / Д. Кушинг Гранвилл. — Москва: [б. и.], 1993. — 129 с., включ. обл. — Б. ц.
3. Правда. — 1979. — 20 март.

Деятельность обследователей-воспитателей при Тверской губернской комиссии по делам несовершеннолетних в 1918–1929 гг. (по архивным материалам)

Смирнова Светлана Владимировна, студент
Тверской государственный университет

Статья посвящена этапам деятельности обследователей-воспитателей Тверской губернской комиссии по делам несовершеннолетних в 1918–1929 гг., по предупреждению беспризорности и безнадзорности среди несовершеннолетних на основе архивных источников.

Ключевые слова: *обследователь-воспитатель, комиссия, Тверская губерния, беспризорность, безнадзорность, несовершеннолетний, статистический листок, правонарушение, педагогические меры*

Комиссии по делам несовершеннолетних образовались по декрету, принятому в 1918 году «О комиссиях по делам несовершеннолетних», положил начало борьбы с преступностью и беспризорностью несовершеннолетних [4]. По стране стремительно создавалась система органов по борьбе с беспризорностью и правонарушениями среди несовершеннолетних, но как оказалось и у данной системы были свои минусы, которые не могли полностью уничтожить в стране сиротство, безнадзорность, преступность несовершеннолетних. У детей данной среды обитания сложилась уже своя жизнь и её понимание, перевоспитать их было трудно. Дети привыкли к данному образу жизни.

Основой для изучения местных учреждений, в частности Тверской комиссии по делам несовершеннолетних, являются документы, отложившиеся в архивных фондах. Материалы фонда Тверской комиссии 1919–1929 гг. (Государственный архив Тверской области, ф. Р-154) представляют собой большой объём делопроизводственной документации: распоряжения, циркуляры Центральной комиссии по делам несовершеннолетних, Тверского гу-

Сообщения, касающиеся революционного террора, гибели людей в результате политики Тараки были под запретом. Советское руководство не могло допустить, чтобы общественность ознакомилась с негативными последствиями политики революционного коммунистического афганского правительства, ведь это означало бы, что Политбюро и ЦК КПСС поддерживают в Афганистане не идеи коммунизма, а в первую очередь, режим террора и насилия. Вот почему общественное мнение нужно было изначально формировать в определенном идеологическом русле. Лучшее средство для этого — пресса.

бисполкома, отчёты о работе губернской и уездных комиссий, протоколы заседаний, анкеты по учёту, списки воспитанников приемников-распределителей, переписка с губернским отделом народного образования, детскими домами. Особую группу документов фонда Тверской губернской комиссии по делам несовершеннолетних составляют личные дела несовершеннолетних, обвиняемых в совершении преступления и по опекам №№ 1–200 [2, Л. 9–10]. Также для исследования привлечен фонд Тверского отдела народного образования Р-488, в котором были обнаружены декреты, положения, инструкции, циркуляры, регламентирующие деятельность и делопроизводство комиссий [1, Л. 101].

Отчеты Тверской губернской комиссии дают нам представление о составе аппарата данного органа, постоянно осуществляющего свою деятельность в губернии. Этот аппарат состоит из председателя, обследователя-воспитателя, детских социальных инспекторов, один из которых совмещал секретарскую работу в комиссии [1, Л. 101].

Особый интерес, как штатная единица комиссии, представляют обследователи-воспитатели (далее ОВ). В их

обязанности входило тщательное ознакомление с личностью и делом несовершеннолетнего, средой, в которой он находился, изучение условий его жизни и воспитания. Уже в процессе этой работыследователь-воспитатель оказывал на несовершеннолетнего правонарушителя воспитательное воздействие, которое выражалось в устройстве на работу, определении в школу, возврате к родителям и т.д.

Необходимо указать требования, предъявляемые к следователям-воспитателям. Ими могут быть лица, имеющие опыт работы с детьми, а также понимающие принятые на себя обязанности, умеющие решать оперативные вопросы в работе. Возраст кандидата должен быть не меньше 32 лет. Желательно, чтобы это был педагог или лицо другой профессии, имеющее представление о воспитательно-педагогической деятельности. В качестве работодателя выступали Тверская губернская комиссия по делам несовершеннолетних или приемный пункт, но утверждался кандидат Подотделом правовой защиты детей и Тверским губернским отделом народного образования. Оплата труда ОВ соответствует ставке воспитательного персонала [3, Л. 25]. Чтобы приступить к своим должностным обязанностям, следователю-воспитателю необходимо было прослушать курс лекций, в ходе которого он знакомится с нормативными документами своей будущей деятельности: «Инструкция следователя-воспитателя при Комиссии по делам несовершеннолетних», «Инструкция к заполнению статистических листов о несовершеннолетних, обвиняемых в общественно-опасных действиях» [3, Л. 25].

Также каждому следователю-воспитателю необходимо иметь: а) мандат; б) список несовершеннолетних, поступивших под присмотр; в) статистический листок на каждого несовершеннолетнего, который заполняет ОВ. Данный листок составлялся с целью учёта таких несовершеннолетних, а также для выяснения причин совершения ими общественно опасных деяний. Важно отметить, что ценность листка зависела не только от верности даваемых ответов, но и от числа вопросов, оставшихся без ответов. В статистическом листке всего 23 вопроса и оставление без ответа хотя бы нескольких из них препятствовало правильному решению комиссии, поскольку она в этом случае не располагала всеми сведениями, необходимыми для выявления причин совершения несовершеннолетним общественно опасного поступка. Листок заполнялся следователем-воспитателем на основании тех проверенных сведений, которые он получал во время опросов несовершеннолетнего, его родных, преподавателей школы, где он учился, и других лиц, а также при ознакомлении с документами о личности несовершеннолетнего. Ответ на 15 вопрос о состоянии здоровья давал врач до заседания или во время заседания комиссии. Заполненный листок за своей подписью следователь-воспитатель представлял в комиссию в день рассмотрения дела. Председатель проверял его полноту и правильность заполнения и, дав ответы на 22 и 23 вопросы, ставил свою

подпись. В тех случаях, когда при рассмотрении дела несовершеннолетнего в комиссии не оказывалось статистического листка, председатель комиссии сам составлял его на основании опросов несовершеннолетнего и лиц, вызванных для разбора дела. Листки ежемесячно, не позднее 10 числа следующего месяца, пересылались в Народный комиссариат просвещения, в подотдел правовой защиты детей. Листок заполнялся на каждого несовершеннолетнего, обвиняемого в общественно опасном деянии. Если по одному и тому же делу обвинялось несколько несовершеннолетних, то листок составлялся на каждого из них. В случаях, когда на одного несовершеннолетнего в комиссии имелось несколько дел, то на него составлялись листки по каждому делу [3, Л. 25 в.].

Обязанности следователя сводились к сбору всех необходимых сведений и тщательному педагогическому и воспитательному надзору за несовершеннолетним. Вся его работа состояла из трёх этапов:

1. Всестороннее ознакомление с личным делом несовершеннолетнего правонарушителя до рассмотрения дела в комиссии.
2. Участие в рассмотрении дела в комиссии.
3. Присмотр, надзор и воспитание несовершеннолетних после вынесения комиссией постановления по делу [3, Л. 25].

Первый этап

Дело о несовершеннолетнем, обвиняемом в правонарушении, поступало к ОВ из детской милиции, приемного пункта или через комиссию. Получив дело, он должен был всесторонне его изучить и записать итоги изучения в особую тетрадь. В архивном фонде такие тетради не сохранились.

В тех случаях, когда по обвинению в правонарушении проходили лица, проживавшие в разных районах, в интересах дела обследование объединялось и проводилось одним ОВ.

Следователь-воспитатель выяснял факт привлечения несовершеннолетних к ответственности за ранее совершенные правонарушения. При наличии таких правонарушений ОВ должен был ознакомиться с делами, чтобы иметь представление о личности несовершеннолетнего.

Изучив дело, следователь должен был посетить квартиру несовершеннолетнего, чтобы познакомиться с родителями несовершеннолетнего или лицами, которые их заменяли. Во время беседы он выяснял мнение родителей о поведении несовершеннолетнего, а также объяснял свою роль и значение Тверской губернской комиссии в деле несовершеннолетнего. Таким образом, следователь изучал среду, в которой воспитывался несовершеннолетний, а также условия его проживания.

Если несовершеннолетний был занят на какой-либо работе, воспитатель конфиденциально запрашивал о нем сведения, чтобы у работодателя не возникло подозрения и подрыва доверия к подростку.

Вся собранная информация была необходима для выяснения причин, толкнувших несовершеннолетнего на совершение проступка или причины его беспризорности.

В тех случаях, когда из обстоятельства дела выяснялась необходимость опроса свидетелей, ОВ проводил такой опрос. Для дачи показаний они приглашались в комиссию, в приемный пункт или на дом к обследователю [3, Л. 25].

Если при обследовании устанавливалось участие в деле взрослых, не включенных в акт обследования и не привлеченных к ответственности, обследователь-воспитатель обязан был допросить таких лиц и сделать подробный доклад в комиссию.

Собрав все необходимые сведения, ОВ заполнял статистический листок на несовершеннолетнего и выдавал повестки о вызове родных или кого-либо из лиц, заменяющих их, в комиссию, назначив дату разбора дела, в день своего дежурства в комиссии.

В заключении по делу обследователь должен был указать предлагаемые меры воздействия на несовершеннолетнего. Воспитатель также был обязан представить необходимые справки по делу и подробный доклад о несовершеннолетнем, с которым знакомились все члены комиссии, до начала разбора дела на заседании комиссии.

Второй этап

ОВ приводил в комиссию несовершеннолетнего и его родителей для разбора дела. На заседании комиссии обследователь-воспитатель давал необходимые сведения и пояснения и наравне со всеми членами мог задавать вопросы несовершеннолетнему.

Третий этап

После решения комиссии о том, что несовершеннолетний поступает под присмотр ОВ, обследователь вручал подростку и его родителям (или попечителям) правила об обязанностях родителей в период нахождения их ребенка под присмотром обследователя-воспитателя.

В первое время ОВ обязан был посещать и вести профилактические беседы с несовершеннолетним и его ро-

дителями два раза в неделю. Со временем встречи могли проходить реже. Это зависело от поведения ребенка. Обследователь на этих посещениях должен был производить впечатление человека, заботящегося о судьбе несовершеннолетнего. Рекомендовалось ежемесячно проводить экскурсии, собирая несовершеннолетних одного возраста с общими интересами, учитывая тот факт, что несовершеннолетние могли оказывать негативное влияние друг на друга.

Если несовершеннолетний не имел отца и/или мать, обследователь-воспитатель обязан был заменить ему родителей [3, Л. 25 б]. Обследователь должен был разъяснить несовершеннолетнему сущность присмотра, внушать свое дружеское расположение, взять под контроль жизнь несовершеннолетнего и иметь возможность влиять на нее.

Когда несовершеннолетний достигал 13-летнего возраста и отличался хорошим поведением, ОВ мог закончить дело, сообщив об этом комиссии [3, Л. 25 б].

Таким образом, на обследователя-воспитателя возлагались важнейшие функции. Он занимался досудебным следствием, выяснял причины, толкнувшие несовершеннолетнего на преступление. Обследователь тщательно знакомился с личностью малолетнего преступника не только на основе документов, которые ему передавали детская милиция или комиссия, но и в процессе личного разбора обстоятельств дела. Комиссия принимала решение по делу, то есть определяла меру ответственности несовершеннолетнего правонарушителя, на основании предложения обследователя.

Обследователь должен был обеспечить все необходимые условия для перевоспитания и исправления правонарушителей. Обследователь-воспитатель обязан был следить за исполнением постановления комиссии, представлял ежемесячные отчеты в комиссию о количестве несовершеннолетних, находящихся под присмотром, давал предварительное заключение по делу, заполнял статистический листок на каждого несовершеннолетнего. Данные функции требовали от обследователя-воспитателя компетенций в делопроизводстве, а также серьезных педагогических и воспитательных умений и навыков.

Литература:

1. Государственный архив Тверской области. Ф. Р-154. Оп.1. Д. 202. Л. 101.
2. ГАТО. Ф. Р-154. Оп. 1. Л. 9–10.
3. ГАТО. Ф. Р-488. Оп. 1. Д. 601. Л. 25–25 в.
4. Декрет от 17 января 1918 года «О комиссиях для несовершеннолетних». [Электронный ресурс]. Б. м., б. г. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi>.

Военная деятельность И.Э. Якира во время гражданской войны

Четаев Георгий Константинович, студент

Самарский государственный социально-педагогический университет

В истории гражданской войны до сих пор остаются малоизвестные военные и государственные деятели. Одним из таких является Иона Эммануилович Якир (1896–1937) [6, с. 656]. В основном, его имя звучит в ряду расстрелянных военных в 1937 году, наряду с М. Н. Тухачевским, И. П. Уборевичем и другими. Те немногие современные исследователи, которые касаются фигуры И. Э. Якира, не уделяют периоду его жизни во время гражданской войны достаточного внимания, а то и вовсе обходят стороной. Поэтому составление научной биографии И. Э. Якира и изучение его вклада в события данного периода должны послужить обогащению отечественной исторической науки.

Иона Эммануилович Якир родился в 1896 году в Бессарабии в городе Кишиневе в семье фармацевта и домохозяйки. Окончив реальное училище, поступил в Базельский университет в Швейцарии на специальность химика в 1913 году. С началом Первой мировой войны возвращается в Россию и поступает в Харьковский технологический институт [1, л. 1]. Работал два года токарем по металлу на заводе [1, л. 13]. После Февральской революции стал членом Бессарабского Губернского Революционного комитета в сентябре 1917 года [1, л. 8].

«Никогда военным человеком не был, да и ничего раньше в военном деле не понимал» — признается Иона Якир в своих воспоминаниях «Десять тому назад» [5, с. 7].

Свою военную службу он начал в феврале 1918 года в качестве командира отряда красноармейцев, который боролся против румынских войск, вторгнувшихся в Бессарабию [1, л. 3]. Причиной военных столкновений с интервентами, по мнению И. Э. Якира, являлось недовольство приднестровских крестьян занятием своих земель оккупантами и возвращением их помещикам [5, с. 8]. Весной и летом 1918 года командовал Тираспольским отрядом, защищавшего Тираспольскую крепость, участвовал в боях как командир батальона против австро–венгерских войск под Одессой [3, с. 9]. Был контужен под Екатеринославом [4, с. 18].

В воспоминаниях он отводит отдельную главу о первом, как его характеризует автор, китайском батальоне в 530 человек [5, с. 13], состоящий из китайских работников лесной рубки [5, с. 7]. По словам Ионы Эммануиловича, он являлся довольно боеспособным и дисциплинированным формированием: «Китаец — он стоек, он ничего не боится»; «Китаец будет драться до последнего» [5, с. 10]. Под командованием И. Э. Якира бойцы батальона получали жалованье. В Суворов в своей книге «Очищение» пишет о жестоких бесчинствах «якировых китайцев» в Одессе, Екатеринославе и других городах, указывая на воспоминания историка С. П. Мельгунова в книге «Красный террор в России», в которых нет точных указаний на настоящих виновников зверств. Также,

Рис. 1. Иона Эммануилович Якир

В. Суворов пишет: «...он выпустил свою директиву о »процентном уничтожении мужского населения«. Проценты он устанавливал сам» [7, с. 8]. При этом автор не приводит цитат из упомянутой «директивы» и не делает ссылок на какие-либо источники, поэтому достоверность утверждений В. Суворова на данный момент не установлена.

В период октября—декабря Иона Якир — член Революционного Военного Совета 8-й армии Южного фронта и командир группы 12-й дивизии [1, л. 3]. 8-й (Лискинская) группа противостояла контрнаступлению войск П. Н. Краснова. Лискинская группа под его руководством выполнила боевую задачу по освобождению железнодорожной станции Лиски и нанесла значительный урон силам противника [3, с. 11]. За командование и успешные действия группы И. Э. Якир был награжден орденом Красного Знамени [1, л. 5].

1919 год стал для Ионы Якира самым значимым в гражданской войне: 7 июля он был назначен начальником 45-й стрелковой дивизии, а позже — командующим Южной группой войск 12-й армии [1, л. 3]. На юге и юго—западе Украины войска Добровольческой армии А. И. Деникина стремились отрезать и уничтожить советские войска. 47-й, 45-й и 58-й дивизиям грозило полное окружение на берегу Южного Буга, и для сохранения сил для предстоящих сражений из этих дивизий была сформирована Южная группа [2, с. 126]. Главной задачей группы являлся прорыв из окружения на север для соединения с войсками РККА. Прорыв Южной группы под командованием И. Э. Якира начался 29 августа. Движение войск сопровождалось ежедневными боями в условиях окружения. За три недели группа прошла 400 км по вражеским тылам и 17 сентября соединилась с другими войсками 12-й армии в районе Житомира, тем самым выполнив боевую задачу [3, с. 14]. Член РВС 12-й армии С. И. Аралов оставил такие воспоминания о данных событиях: «23-летний командующий группой Якир, с которыми считались контр—адмирал Немитц, опытный офицер Княгиницкий и такие храбрецы, как Котовский, привел из Одессы и Николаева в район Киева три дивизии. Он вырвал их из, казалось бы, плотного и непроницаемого кольца противника, действовавшего очень активно» [4, с. 18]. Сам И. Э. Якир отмечает следующие проблемы вражеских войск, способствовавшие успеху операции: растянута и линейность войск белой армии [5, с. 35] и слабый тыл противника [5, с. 38]. Также, он излагает и главную проблему советских войск на Украине — недисциплинированность и малая

сплоченность: «...на Украине сплошь и рядом царила вольница, организованности было мало. Так было и в 45-й дивизии» [5; с. 35]. За успешный вывод Южной группы из окружения Иона Эммануилович был награжден вторым орденом Красного Знамени [1, л. 5].

Вскоре после вышеописанных событий, 21 сентября 1919 г. вышла директива Главного Командования об овладении Киевом (№ 346) Главкомандующего С. С. Каменева, в которой говорилось следующее: «...обстановка в районе 12-й армии, по-видимому, позволяет нам вновь овладеть Киевом. Предлагаю поставить эту задачу правобережным частям 12 армии, главным образом, эта задача может быть исполнена частями т. Якира» [9; с. 390]. Силами Южной группы под руководством И. Э. Якира была выполнена задача по освобождению Киева, хоть и не в полной мере: город был освобожден на три дня, и белогвардейцы были вынуждены перейти к обороне на всём участке Южного фронта.

В начале октября 1919-го года Южная группа была расформирована, а Якир вернулся к командованию 45-й дивизией. [3, с. 15] Он участвовал в разгроме армии Н. Н. Юденича под Петроградом [3, с. 15] и завершающих боях с деникинцами до февраля 1920-го года [3, с. 16]. В советско-польскую войну 1920-го года, неудачную для советской России, он командует группами Фастовского, Золочевского и Львовского направлений [1, л. 11]. За ряд отличий в совместных операциях 45-й дивизии и 1-й Конной армии И. Э. Якир был награжден третьим орденом Красного Знамени. Также, на Украине частями Ионы Якира был разгромлен ряд соединений войск С. В. Петлюры и освобождены города Проскуров и Волочиск [3, с. 20]. На этом боевой путь нашего героя был окончен.

Военная деятельность Ионы Эммануиловича Якира была насыщена событиями. Он прошел путь от командира отряда и политкомиссара до командующего группой войск и начальника дивизии. Его вклад в победу большевиков в гражданской войне немаловажен, и должен представлять интерес для историков и исследователей. Но, к сожалению, его фигура теряется на фоне гораздо более известных полководцев. Необходимо отметить, что в отечественной истории в целом, и в истории гражданской войны в частности, до сих пор многие деятели остаются в тени, и для выстраивания полноты картины событий необходимо со свежим взглядом освещать в науке их жизненный путь и влияние на ход истории.

Литература:

1. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 37976. Оп. 1. Д. 96.
2. Панков Д. Командарм 1 ранга И. Э. Якир // Военно-исторический журнал. Москва, 1976. № 7. С. 125—126
3. Ульянов В. В. Военная и общественно—политическая деятельность И. Э. Якира (автореферат на соискание ученой степени к. ист. н.) // Кишинёвский ордена Трудового Красного Знамени государственный университет им. В. И. Ленина. Кишинёв, 1975. 34 с.
4. Черушев Н. С., Черушев Ю. Н. Расстрелянная элита РККА (командир мы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы, и им равные) // М: Кусков поле; Мегapolis, 2012. С. 18

5. Якир И. Э. Воспоминания о гражданской войне // Москва: Военное изд-во министерства Обороны Союза СССР, 1957. 40 с.
6. Советская военная энциклопедия в 8 т. // Военное изд-во министерства Обороны Союза СССР, 1976–1980. Т. 8.
7. В. Суворов Очищение: Зачем Сталин обезглавил свою армию? // М: АСТ, 1999. 146 с.
8. Директивы Главного командования Красной Армии (1917–1920): сборник документов/ Гл. арх. Упр. при Совете Министров СССР; сост. Вьюнова Н. М. — Москва Воениздат, 1969. — 883 с.

ЭТНОГРАФИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

О компаративном исследовании основных историко-этнографических особенностей города Гянджи

Гасанов Эльнур Лятиф оглу, Ph D., главный специалист
Гянджинское отделение Национальной академии наук Азербайджана

В статье на основе разных исторических источников, научно-теоретических материалов были исследованы главные особенности развития города Гянджа в течение тысячелетий на основе научного сравнения. Также были изучены важные аспекты его современного развития.

Ключевые слова: Гянджа, Азербайджан, этнографическое исследование, компаративное изучение

Гянджа, один из древнейших городов Востока с многовековой историей, соединяющий северо-восточные склоны гор Малого Кавказа (древних Гянджинских гор) с просторами Кура-Аракской низменности, расположен в живописном уголке Азербайджана с умеренным климатом, плодородными землями, богатыми водными ресурсами. Важно отметить, что из 11-и климатических поясов 9 существуют в этом древней земле.

Исторически Гянджа всегда имела выгодное геополитическое расположение и играла важную роль в культурной и экономической жизни Азербайджана. Этот город был построен на Великом Шелковом Пути, который соединяет Азию с Европой.

Античный философ Страбон (I век до нашей эры) отмечал о древней Гяндже:

«Здесь один раз посаженная почва дает урожай два или даже три раза в год. Орошение почвы лучше, чем в Вавилоне и Египте. Кроме этого, здесь воздух особенно чист и целебен».

Говоря о Гяндже автор XIV века, историк Хамдуллах Газвини писал:

Есть всего несколько избранных городов,

Настоящий клад в Арране — Гянджа.

Полна изобилия, вода чиста,

Климат мягок и просторны долины.

По вопросу этимологии названия города ученые предлагали разные варианты, но пришли к единому мнению, что свое название Гянджа берет от древних тюркских племен Генджеков.

Важно иметь в виду факт о том, что название Гянджи упоминалось в таких древних источниках тысячелетия до нашей эры как «Авеста», «Шахристане Иран» и др.

На основе неоспоримых археологических и этнографических материалов было доказано существование по-

селений на территориях древней Гянджи еще в эпоху Неолита, то есть VII—VI тысячелетий до нашей эры.

Основываясь на археологических раскопках, этнографических исследований, проводимых в течение многих десятилетий на этой древней земле, ученые утвердили, что город имеет более чем 4000 лет древности.

Первые археологические раскопки в долине реки Гянджачай проводились в конце XIX века со стороны Дюбуа де Манпере, Ф. Баерна, Э. Реслера, Я. Гуммеля и других зарубежных ученых-археологов. Позднее историко-археологические поисковые работы были проведены Азербайджанскими археологами и впервые месторасположение города Гянджи было полно и всесторонне изображено И. Джафарзаде (1, стр. 9137).

Продолжается изучение древней истории, культурно-материального наследия города с участием видных ученых, как профессора из США Пол Майкл Тейлор, профессора из Японии Йошихиро Нишияки на территориях древней и античной Гянджи археологические и археологические исследования. Обнаруженные многочисленные исторические материалы служат доказательством 4000 летней древности города.

Наряду с иностранными учеными, Азербайджанские археологи, и этнографы проводят научно-исследовательские работы, в результате которых были обнаружены места многочисленных древних курганных погребений (2, 4).

Проводимые всесторонние научные исследования показали, что люди основали первые поселения в долине реки Гянджачай, где занимались различными видами хозяйственной деятельности и многочисленными видами ремесла. Найденные материальные доказательства подтверждают высокий уровень развития разных видов скотоводства и земледелия на территории древней Гянджи.

В течение тысячелетий в Гяндже развивались такие традиционные отрасли ремесла как гончарное дело, металлообработка, ковроткачество, зодчество, декоративно-прикладное искусство и др.

Благодаря проведенным многочисленным археологическим раскопкам были обнаружены важные источники доказательства древней истории Гянджи-археологические памятники, этнографические и исторические материальные ценности, которые хранятся в разных музеях мира, как Лувр, Эрмитаж, Метрополитен-музей и др.

Важно отметить что, при сравнении исторических источников и археологических, этнографических материалов в большинстве случаев факты не совпадают друг с другом.

Поэтому, нужно учесть тот важный исторический факт, что, в течение тысячелетий Гянджа 5 раз менял свое географическое местоположение. Основными причинами данных исторических переселений города являлись войны, нашествия захватчиков, природные катаклизмы и др. Это и способствовало существованию разногласий между учеными по поводу хронологического основоположения города и его географических данных.

Для информации мы хотели в кратком виде характеризовать переселение города:

Изначально Гянджа располагался на левом берегу Гянджачая (крепость — Гала Ери) на территории, близлежащей к селу Гедмиш, находящейся в 5-ти км от села Журнабад. Из исторических источников известно, что в VI в до.н.э. правитель Ахеменидов II Кир был побежден вблизи крепости Гянджа храброй женщиной-полководцем Томрисом. Древний Гянджа с VI века до н.э. по V век нашей эры был расположен на указанной территории.

В результате землетрясения в 427 году и войн сасанидов с гуннами древний Гянджа был разрушен. Во второй раз город поменял свое местоположение в 8–9 верстах от места под названием Кызыл Кая (Золотая Скала), то есть в 10–11 км севернее нынешней Гянджи.

В VII веке арабские войска вторглись на территорию нашей родины. В этот период город был вновь разрушен арабскими завоевателями. Затем Гянджа в третий раз населялся на территории Шехербурну, находящейся на левом берегу реки Кура.

Стихийное бедствие в 1139 году в четвертый раз разрушило Гянджу. Как отмечал в своих трудах, выдающийся ученый, Востоковед, академик Е. Бертельс, в результате землетрясения в Гяндже погибло более 300 тысяч людей. Данный факт подтверждает, что Гянджа в XII веке был величественным городом по культурному наследию и по численности населения, также по площади превышающий такие крупные города как Лондон, Париж и др. После этого стихийного бедствия город обосновался на территории нынешнего святилища Имамзаде, то есть Шихской равнины.

Наконец, в пятый раз город Гянджа во время Сефевид-османских войн в конце XVI — начале XVII веков был переселен на территорию нынешней Гянджи. Здесь еще в 1588 году османским полководцем Фархадом Паша

была построена крепость, сохранившаяся до наших дней. Нужно отметить, что после переселения города Шахом Аббасом I по его распоряжению Гянджа была полностью благоустроена по проекту выдающегося ученого, архитектора Шейха Бахааддина Мухаммеда Амули неповторимыми жемчужинами зодчества Гянджи как Джума мечеть, Чекек-хамам (Древняя баня), Каравансарай и др. (3–5).

Древний центр толерантности и мультикультуризма Гянджа, является вторым городом Востока, где и по сей день сохранились сотни мусульманские, христианские, лютеранские, также и доисламские гробницы, надгробные памятники, мавзолеи в древней святилище «Имамзаде» и кладбище «Себзикар» (4, 7).

Вышеотмеченные факты доказывают, что Гянджа с древних времен славилась высоким развитием торговли, ремесла, считалась одним из основных центров науки, образования, культуры и отличалась своим интеллектуальным потенциалом. Начиная с VII–VIII веков в Гяндже существовали такие видные научно-просветительские центры как «Дома мудрости», «Центры исцеления», кроме того было довольно много школ-медресе при мечетях. Именно в таких научных центрах преподавали многочисленные учителя-педагоги, выдающиеся деятели науки своего времени. Благодаря таким личностям в городе в течение веков жили и творили гении всех времен — великий мыслитель Восточной поэзии Низами Гянджеви, первая женщина-философ, поэтесса Мехсети Гянджеви, первые женщины представители средневековой поэзии Востока — поэтессы Сити Гянджеви, Разия Гянджеви, Дохтари Гянджеви, руководитель совета Арранских поэтов XII века Абул-ула Гянджеви, выдающийся поэт XIX столетия Мирзы Шафи Вазех, на стихи которого сочинили свои великие труды всемирно известные композиторы мира — Штраус, Чайковский, Бах.

Также в городе было много библиотек, самым известным которым считался «Дар-эль Кютуб», который существовал уже в X–XI веках. Важно отметить, что и сегодня в городе действуют Централизованная библиотечная система, детская центральная библиотека, единственный в регионе филиал Миниатюрного музея и др.

Современная Гянджа сохранила свою твердую позицию как важного научно-культурного центра. В городе действует единственное в Западном регионе страны отделение Национальной Академии Наук, также 3 университета, 4 отраслевых научно-исследовательских института, 49 школ, 3 колледжа, 3 лицея.

Благодаря высокой заботе руководства страны в Гяндже впервые были построены новые школы, полностью отремонтированы и технически обеспечены современными оборудованием средние школы города. А также впервые благодаря всесторонней заботе и материальной помощи Фонд Гейдара Алиева в Гяндже были построены и отремонтированы новые средние школы, детские сады, дошкольные образовательные учреждения. Культурная жизнь современной Гянджи особенно развивается, сохраняя свои исторические традиции, моральные ценности.

Историческая Гянджа с древних времен считалась одним из кипучих родников азербайджанской культуры. Первые звуки всемирно известной песни «Джужялярим» заслуженного деятеля искусств Азербайджанской ССР Ганбара Гусейнли доносились именно с этого края. Видный советский композитор, народный артист СССР, лауреат Государственных премий СССР и Азербайджанской ССР Ф. Амиров, композитор Т. Гаджиев и другие первые шаги сделали в Гяндже и первые их успехи были завоеваны в этом городе. Сегодня в городе с успехом продолжают свою деятельность такие культурные заведения как Государственный Драматический Театр имени Дж. Джабарлы, Государственная Филармония имени Фикрета Амирова, Кукольный Театр, более 5-и культурных клубов, ансамбли народных музыкальных инструментов и симфонического камерного оркестра, танцевальный ансамбль, строится самый крупная и красивая Филармония в регионе (6, 9).

Это город с многовековой историей сегодня славится своими монументальными культурными центрами и музеями: один из 5-и крупнейших парков мира — Центр имени Общенационального Лидера Гейдара Алиева, один из величественных Музеев и мавзолеев Низами Гянджеви, Музей и культурный центр Мехсети Гянджеви, музей Мирза Шафи Вазеха, этнографический и археологический музей-комплекс Гянджинские ворота-крепости, Историко-краеведческий музей, музей имени Мир Джалал Пашаева и др.

Город Гянджа сегодня отличается высококачественным уровнем здравоохранения. В городе действуют такие многочисленные медицинские центры, которые обеспечены самыми современными оборудованием как Гянджинская Международная Больница, Центральная Медицинская Клиническая Больница, городской Диагностический Центр, поликлиники, частные медицинские центры и др.

Гянджа, столица первой на Востоке Демократической Республики, созданной в 1918 году, первый город, объявленной «Столицей молодежи Азербайджана 2012 года», также «Столицей молодежи Европы 2016 года» и на

конец, «Столицей Культуры СНГ 2017 года». Город в последние годы превратился в центр проведения международных конференций и различных мероприятий, с участием выдающихся ученых и государственных деятелей, посвященные 870 и 875-и летию великого мыслителя Низами Гянджеви, 900-летие творчества Мехсети Гянджеви, 220 летний юбилей великого поэта и педагога Мирзы Шафи Вазеха.

Этот город стал центром возложения основы Международного Центра «Низами Гянджеви», местом проведения сессий всемирно известного «Мадридского клуба».

Гянджа установила широкие отношения с древними, и в тоже время развитыми городами отдельных государств в сфере науки, образования, культуры и экономики. Таких городов как Тебриз (Иран), Карс, Елазиг, Ескишехир (Турция), Тюрин (Италия), Шампань-де Вилла (Франция), Оломоуц (Чехия), Мултан (Пакистан), Волынь (Украина), Кутаиси, Рустави, Телави (Грузия), Душанбе (Таджикистан) и др. города побратались с Гянджей и всесторонне развивают отношения в разных отраслях (7).

Современная Гянджа считается вторым крупным промышленно-экономическим центром нашей родины. В городе действует крупнейший центр Цветной металлургии — ООО «Дет-Аль Алюминий», Автомобильный завод, Машиностроительный завод, также десятки предприятий текстильного, пищевого промышленности.

В городе имеются Международный Аэропорт, Международный железнодорожный и автомобильные вокзалы, что обуславливает выход города в мировой поток воздушных и автомобильных путей.

Город обеспечен высокоскоростными фибр оптическими кабелями и все важные учреждения оснащены интернетным пространством.

Жемчужина Востока — Гянджа, центр многовековых моральных ценностей, первая столица Демократической Республики на Востоке, вернула свое величество и сегодня гордо развивается с высокими темпами.

Литература:

1. Hasanov E. L. (2016) About Comparative Research of Poems «Treasury of Mysteries» and «Iskandername» on the Basis of Manuscript Sources as the Multiculturalism Samples. *International Journal of Environmental and Science Education*, 11(16), pp. 9136–9143
2. Smith W. B. & Hasanov E. L. (2013) Importance of handicraft traditions in investigation of history of urban culture in Ganja. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 11(7): 61–66. doi: <http://dx.doi.org/10.15863/TAS.2013.11.7.10>
3. Azerbaijan ethnography. 2007. In 3 volumes, volume I. Baku, 544 p.
4. Geneviève Zarate; Danielle Levy; Claire Kramsch. (2011) *Handbook of Multilingualism and Multiculturalism*. Archives contemporaines. p. 377
5. Guliyeva N. M., Häsänov E. L. (2014) Die traditionelle Gändschänischen Teppiche von Zeitraum der Aserbaidshänischen Gelehrten und Dichter Mirsä Schäfi Waseh als ethnoanthropologische quelle (XIX Jahrhundert). *European Applied Sciences*, 2, pp. 3–5
6. Hasanov E. L. (2015) Multidisciplinary approach to investigation of the basic handicraft branches of Ganja till the XX century. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 1(21): 7–15. DOI: <http://dx.doi.org/10.15863/TAS.2015.01.21.2>
7. Həmidova İ (2000) Azərbaycan parça sənətinin tarixi inkişaf yolları. *Elmi axtarışlar*, VIII toplu, Bakı.
8. Həsənov E. L. (2015) Gəncə İmamzadə türbəsi ənənəvi multikulturalizm abidəsi kimi. Qafqazda mədəni-dini irsin qorunması mövzusunda beynəlxalq konfransın materialları. Baku, 2015, p. 117–120

9. Bünyadova Ş. T. (1992) Nizami və etnoqrafiya. Bakı: Elm.
10. Voenny sbornik. (1912) t. Kh, pp. 328–331.
11. Cavadov Q. C. (1977) Azərbaycanca ağacişləmə sənəti haqqında. AEM. III buraxılış.
12. Əfəndiyev R. S. (1966) Azərbaycanın bədii sənətkarlığı. Bakı: Azərneşr. 10.
13. Əfəndiyev R. S. (1976) Azərbaycanın dekorativ-tətbiqi sənətləri. Bakı: İşıq. 11.
14. Əhmədov F. M. (2007) Gəncənin tarix yaddaşı. Gəncə: Elm.
15. Hasanov E. L. (2016) Innovative basis of research of technologic features of some craftsmanship traditions of Ganja (On the sample of carpets of XIX century). International Journal of Environmental and Science Education, 11(14), pp. 6704–6714

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

Забытые письма П.И. Чайковского

Бабенко Оксана Васильевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник
Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук

Личность П.И. Чайковского и его эпистолярное наследие более столетия пристально изучались в отечественной и зарубежной науке. Несмотря на это, «белые пятна» в этой проблематике остаются так же, как и спорные вопросы. Существуют источники о жизнедеятельности Чайковского, которые были опубликованы в 2000-е годы, но мало используются. И не случайно в 2015 г. нами была опубликована статья, посвященная забытым воспоминаниям о П.И. Чайковском [1]. В том же году вышел сборник документальных материалов из архива Дома-музея П.И. Чайковского в Клину, в основном публикуемых впервые [3]. Кроме того, существует известный трехтомник переписки П.И. Чайковского с Н.Ф. фон Мекк [4], который в скором времени заменит четырехтомник с несколькими тысячами не публиковавшихся ранее писем. Эти факты говорят о том, что еще не все источники о жизнедеятельности Чайковского опубликованы и имеют широкую известность.

К мало используемым источникам относятся также забытые письма великого композитора, изданные коллекционером и искусствоведом В.Т. Козловым в 2012 г. В третьем томе издания «Постижение истории посредством артефактов искусства, архивов и археологии» есть два раздела, посвященные письмам Чайковского, под названиями «Четыре письма Чайковского из собрания И.Б. Семенова» и «Последние годы Чайковского в эпистолярном наследии» [2]. О малоизвестности этих публикаций говорит тот факт, что на вышеуказанное издание практически никто не ссылается в современном научном мире. Между тем, данные письма представляют большую ценность для историков, искусствоведов, музыковедов, театроведов, а также всех людей, интересующихся русской культурой и творчеством П.И. Чайковского.

Какие письма П.И. Чайковского были опубликованы В.Т. Козловым? В первом разделе присутствуют четыре письма из собрания коллекционера И.Б. Семенова, которые публикуются с оригиналов впервые. Они датируются началом 80-х гг. XIX века и адресованы дирижеру Русского музыкального общества Эдуарду Францевичу Направнику. В.Т. Козлов полагает, что семья Направника «утратила их, вероятно, после смерти Эду-

арда Францевича в период революции и гражданской войны» [2, с. 363]. У Направников сохранились лишь копии писем, отчасти восстановленные по памяти. Эти копии публиковались в Полном собрании писем П.И. Чайковского, но их тексты имеют расхождения с оригиналами, которые обнаружили в коллекции И.Б. Семенова.

Рассматриваемые письма П.И. Чайковского были написаны за период с 26 декабря 1881 года по 19 августа 1883 года. В первом письме композитор благодарит Направника за послание с подробностями об интригах в Русском музыкальном обществе, приведших к отставке дирижера с поста главы РМО. Чайковский советует Направнику «безусловно и навсегда воздержаться от участия в газетных препирательствах по поводу этого дела» [2, цит. по с. 365]. Композитор полагал, что время обличит гнусность интриги против Направника и все заговорят о его правоте. Он также благодарит дирижера за совет не приниматься за оперу, «пока не наступит расположение к труду» [2, с. 366]. Данное письмо было отправлено Чайковским из Рима, где композитор присутствовал на концерте в честь 70-летия Листа.

Второе письмо было отправлено П.И. Чайковским из Каменки 21 сентября 1882 г. Он сообщает о том, что в случае возобновления «Орлеанской девы» артистка М.Д. Каменская возьмет свою партию снова (партию Иоанны. — О. Б.), если Чайковский исполнит все сокращения, изменения и транспонировки, на которые указывал Направник. Композитор делает попытку отказаться от участия в этих занятиях. Кроме того, он сообщает, что к нему возвратилась «охота писать», поэтому он надеется весной представить дирекции оперу «Мазепа» [2, с. 368]. В последующие недели «Орлеанская дева» имела успех в Праге, с которого началось триумфальное шествие опер Чайковского по зарубежным театрам. А в 1884 г. прошла премьера оперы «Мазепа», в которой партию Любви исполнила жаждавшая изменений в «Орлеанской деве» замечательное меццо-сопрано Мария Даниловна Каменская.

Третье письмо композитора было послано Э.Ф. Направнику из Каменки 4 октября 1882 г. В нем он подробно описывает изменения, сделанные в «Орлеанской

деве». Это свидетельствует о том, что Чайковский все-таки взял на себя труд внести поправки в оперу. В четвертом и последнем письме из рассматриваемого собрания композитор пишет о том, что известный баритон Ипполит Петрович Прянишников изъявил желание исполнить партию Мазепы. Чайковский же еще ранее направил в дирекцию распределение ролей, где в роли Мазепы значился артист Мельников. Композитор выразил согласие, чтобы эту партию пели Мельников и Прянишников. Он спрашивает Направника, могут ли эти два певца выступать в одной опере. В этом случае он предложил бы Мельникову роль Кочубея. А басу Стравинскому Чайковский собирался предложить роль Орлика. При этом он замечает, что «написал и еще раз напишу в Дирекцию, что вообще полагаюсь вполне на Вас относительно распределения ролей» [цит. по: 2, с. 370]. Это говорит о том, насколько композитор ценил и уважал Направника.

Следует также отметить, что Чайковский ориентировался на лучших артистов своего времени. Баритон Иван Александрович Мельников и бас Федор Игнатьевич Стравинский четверть века были украшениями Мариинского театра, а Ипполит Петрович Прянишников перед поступлением в труппу Мариинского театра три года успешно выступал на итальянских сценах — в Милане, Болонье, Генуе, Флоренции и других городах.

Во второй публикации писем П. И. Чайковского представлены письма из собрания коллекционера А. Г. Евдокимова. Это пять писем Чайковского Направнику, написанные за период от 19 февраля 1892 года по 22 июля 1893 года. Евдокимов передал эти письма в дар Советскому фонду культуры наряду с многочисленными предметами старины. Однако в телепрограмме, рассказавшей о даре коллекционера, перечислялись только предметы религиозных обрядов православной церкви, а о письмах Чайковского не было даже упомянуто.

Первые два письма Петр Ильич писал в феврале-апреле 1892 года в селе Майданово в Подмоскovie и в Москве. В этих письмах отражены хлопоты Чайковского по поводу сочинений Направника («Дон Жуана», «Демона», «Танцев»), устройства их постановок в оперных театрах или концертного исполнения и публикации с целью получения гонораров. Здесь упоминается второй сын Направника Владимир, который в то время гостил на даче у Чайковского. Композитор пишет: «Я предвижу для Володи очень хорошую будущность, ибо для меня оказалось новостью его необыкновенная способность к упорному труду» [цит. по: 2, с. 374]. Петр Ильич возмущается тем, что для бездарного композитора Казаченко находят и время, и возможности, а талантливые люди, например, Аренский остаются без внимания. Чайковский просит Направника замолвить слово за Аренского. Композитор пишет: «Его следует поощрить; он способен упасть духом и погибнуть от пьянства и всяческого безобразия. Между тем это настоящий, большой талант» [цит. по:

2, с. 375]. В постскриптуме Чайковский приглашает Направника к Дусктеру, где молодой композитор Корещенко будет играть свою кантату-оперу. Это говорит о том, что Петр Ильич испытывал неприязнь к композитору и дирижеру Григорию Алексеичу Казаченко (автору оперы «Князь Серебряный» и других произведений) и благоволил выпускнику Московской консерватории Арсению Николаевичу Корещенко, пианисту и дирижеру, автору ряда музыкальных произведений. Во втором письме описываются старания Чайковского по устройству музыкально-драматической поэмы Направника «Дон Жуан», содержится информация об отмене оперы «Фауст», которой должен был дирижировать Чайковский.

Интересно также письмо Чайковского от 30 июня 1892 г. из Виши, где он лечился «на водах». Чайковский обращается к Направнику как к дорогому другу, по которому он постоянно тоскует. Он выражает сочувствие мыслям дирижера о чешской опере в Петербурге и пишет, что чешскую оперу будет не особенно трудно устроить, если этому не помешают итальянцы. По словам композитора, об этом просил известный тенор Фигнер директора императорских театров и мецената С. И. Мамонтова. Чайковский к тому времени имел более, чем десятилетние творческие связи с пражским Национальным оперным театром, в том числе с его директором Ф. А. Шубертом.

Еще два письма Чайковского были отправлены из Клина 18 октября 1892 года и 22 июля 1893 года. К сожалению, вместо текста первого из них в конверте был обнаружен листок с концовкой письма Направнику, написанного предположительно летом 1887 г., когда между музыкантами еще не было близкой дружбы и они обращались друг к другу на «Вы». В этом отрывке письма Чайковский выражает Направнику свою обиду в связи с тем, что последний обращался по поводу неисполнения своих произведений в Москве к известному музыкальному критику Г. А. Ларошу, а не к нему. Он сообщает также, что обратился к дирижеру Эрдмансдёрферу с просьбой сыграть в следующем концерте вместо собственной симфонии «Манфред» симфонию Направника.

Текст второго письма сохранился. В нем Чайковский пишет, что только что вернулся в Клин после трехмесячного пребывания за границей, а также в Полтавской и Курской губерниях. Теперь, по его словам, он принялся за инструментовку симфоний. «Очень рад, — пишет Петр Ильич, — что могу, наконец, смиренно сидеть у себя и отдавать большую часть времени труду, — а то праздность начинала тяготить меня» [цит. по: 2, с. 379]. Это письмо было написано композитором незадолго до смерти после возвращения из Англии, где он получил мантию доктора музыки *honoris causa* Кембриджского университета. Из Лондона он поехал в Тироль, где гостил у известной пианистки Софьи Ментер. В целом в 1893 г. он вел насыщенную творческую и общественную жизнь, которую оборвала случайность.

Таким образом, письма П. И. Чайковского Э. Ф. Направнику содержат богатый материал о музыкальной культуре России, имена забытых музыкантов и композиторов, факты из жизни П. И. Чайковского и Э. Ф. Направника. Они являются ценными историческими источниками, о ко-

торых не следует забывать. Более того, рассмотренные нами письма были написаны в тот период, когда Чайковский и Направник стали близкими друзьями, поэтому Петр Ильич откровенно обсуждал с другом текущие проблемы, что придает данным письмам дополнительную ценность.

Литература:

1. Бабенко, О. В. Забытые воспоминания о П. И. Чайковском // Молодой ученый. — 2015. — № 18(98). — С. 396–401.
2. Козлов, В. Т. Постигание истории посредством артефактов искусства, архивов и археологии. — Т. III: Автографы знаменитых людей в контексте истории. — М.: Изд-во «Кучково поле», 2012. — 504 с.
3. Неизвестный Чайковский / Ред.—сост. П. Е. Вайдман. — М.: «Музыкальное издательство »П. Юргенсон“, 2015. — 360 с.
4. Чайковский, П. И. Переписка с Н. Ф. фон Мекк в 3-х т. — М.: Книжный Клуб Книговек, 2016.

Рюрик и его команда (этимология антропонимов)

Федченко Олег Дмитриевич (г. Брянск)

Статья посвящена лингвистическому анализу имен первых русских князей времен Рюрика. Пожалуй, впервые предпринята попытка обобщить и определить значения антропоним комплексно всех исторических персонажей той эпохи. Такой подход позволяет определить этимологию и происхождение не только конкретных имен, но сделать предположения о племенах, участвовавших в рождении русской государственности.

Ключевые слова: этимология, Русь, Рюрик, Синеус, Трувор, Аскольд, Дир, Новгород, Киев, каган

Откуда пошла земля Русская? Сей вопрос мучает уже не одно поколение исследователей. Приоритетными остаются две версии, отдающие предпочтение «пришельцам». Первые считают, что Русь «создали» норманны-скандинавы, вторые доказывают славянское первородство.

Пока достоверно признается, что в 862 году на княжение в Новгороде был призван варяг Рюрик. С этого момента и начинается официальный отсчет русской государственности.

И. Как гласит летопись «Повесть временных лет»: «...И избрались три брата со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли к словенам первым, и срубили город Ладогу, и сел в Ладоге старейший Рюрик, а другой — Синеус — на Бело-озере, а третий — Трувор — в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля... Два года спустя умерли Синеус и брат его Трувор. И принял всю власть один Рюрик...» [1, 67].

Также в этой летописи упоминаются еще три представителя Рюрика: «И было у него два мужа, не племени его, но бояре — Аскольд и Дир, которые сели в Киеве... Умер Рюрик, передав княженье свое Олегу, своему родичу, которому отдал на руки и сына Игоря, ибо тот был еще совсем мал...» [1, 68–69].

Впрочем, в Псковской 2-й летописи Аскольда и Диру называют в списке князей: «А князи в та лета бяху на Руской земли; От Варяговъ 5 князей, первому имя Скальдъ,

а другому Дир, а третьему Рюрик, четвертому Синеус, а другому Трувор, а шестому Олег ...» [2, 10].

Согласно принятой версии, происхождение команды Рюрика связывают со скандинавами (норманнская теория). Однако летописец четко отделил русов от шведов, англичан, норманнов и готов: «И пошли за море к варягам, к руси, ибо так звались те варяги — русь, как другие зовутся шведы, иные же норманны, англъ, другие готы, эти же — так» [1, 67].

Кроме того, Рюрик со своими людьми по пришествии заняли ключевые пункты на северной границе — Изборск, Старая Ладога, Бело-озеро. Таким образом были перерезаны пути для нападения на новгородскую землю со стороны как раз-таки викингов-скандинавов, походы которых отражены на представленной карте [3] (рис. 1).

Отделял древний автор варягов, русов и от западных славян, племена которых были упомянуты в летописи [1, 58–60].

В ряду гипотез обособленно стоит «прусская» версия, указанная автором «Казанской истории»: «Они же, неразумнии, приведоша себѣ, призвавше от Пруския земли, от варяг, князя и самодержца...» [4].

М. В. Ломоносов отмечал, что «варяги и Рурик с родом своим, пришедшие в Новгород, были колена славянского, говорили языком славянским, происходили из древних россос и были отнюдь не из Скандинавии, но жили на восточно-южных берегах Варяжского моря, между реками

Рис. 1

Рис. 2. Карты балтийских народов в 1200 году (начало 13 века) [6]

Вислою и Двиною...» [5]. Но именно эти территории тогда занимали балтские племена.

Историческую ситуацию в том регионе описывала в своей работе «Балты. Люди янтарного моря» М. Гим-

бутас: «В период с V до IX века в Балтии происходят два важнейших события: примерно около 400 года началось распространение славян в земли западных славян, а около 650 года на западно-балтийском побережье появились

шведы (викинги). Однако основная масса балтийских племен смогла устоять против завоевателей и продолжала развивать собственную культуру. Пруссы и курши продолжали играть ведущую роль среди балтийских племен. Как только готы покинули низовья Вислы, пруссы заняли его, прочно закрепились и оставались там вплоть до прихода Тевтонского ордена в XIII веке. На своих исконных территориях смогли удержаться только судовяне и литовцы. Их украшения и керамику, датируемые периодом с «золотого века» до X века, обнаруживают на территории современной Северной Польши вплоть до нижнего Буга (на юге) и в верховьях Припяти. К VI — VII векам латгалы распространились по всей Северной Латвии...» [7, с. 146].

Балтские племена оставили большое «наследство» от своего пребывания в Белоруссии, Украине, центральной России [например, 8, с. 175–214]. Даже названия «росских» порогов на Днепре, описанных в трактате Константина Багрянородного «Об управлении империей» [9]. Именно с этого долетописного источника и начнем изучать имянослов первых русских князей.

В поучении византийского императора встречаем *Σφενδοσθλάβος* (Святослав Игоревич), *Ἰγγωρ* (Игорь Рюрикович) и *Σφενδοπλόκος* (Святополк Окаянный) [10, с. 56]. Обратим внимание, что Константин записал имена русских князей, как они звучали — Свендослав, Ингор и Свентоплок.

Трансформация последнего из *плок-* в *полк-* объяснена славянизацией, но наталкивается на трудности в этимологизации. Согласно замечанию М. Фасмера, *полк* есть заимствование из древне-германского **fulkaz*. Однако там же указано, что ни один индоевропейский язык не знает расширителя *-k-* [11, том 3, с. 311]. Как следствие, в славянском языке отсутствует глагол с корнем *полк-*, наличие которого необходимо для идентификации славянского происхождения. И это даже не акцентируя внимания на смысловом несоответствии имени одного человека, определенного множеством — толпа, народ, группа.

В то же время в балтском языке имеется глагол *plakti* — *бить* [12, с. 361], далее, например, *plaktas* — *молот*. В нашем случае, это может означать, что *плок* есть *боец, воин*. Принимая во внимание, *šventas* (древне-прусское — *swenta*) — *священный, славный*, — получаем Свентоплок — *славный воин*.

Аналогичную конструкцию имеет и Свентослав, со второй частью *šlavè* — *почет, имя*, — можно определить, как «*священного роду*».

«Росским» именем наречен у Багрянородного и архонт Ингорь/Игорь. Здесь также легко прослеживается балтское происхождение антропонима. Корню *гор-* соответствует *geras* — ‘good’ (первичный глагол *girti*, с которым в одном ряду *gerbti* — *уважать, почитать*) [12, с. 171]. В нашем же случае присутствует частица *in-* (*i-*), которая обозначает усиление — *высокочитимый, великодушный, достойный поклонения*.

Несколько отличаются по звучанию имена русских «первопроходцев», в которых слышны иные нотки.

Происхождение антропонима Дир, вероятно, связано с *dirti* (сюда же можно соотнести и *durti*) — *бить, колоть, грабить, буянить*. Похожее значение содержится и в имени его соратника Скалда/Аскольда/ *ᚼ*скольдъ. В основе виден глагол *kalti* с расширителем *-d-* — *колоть, бить*. Первый компонент *aš-* встречается в литовских именах в качестве связи воина с конем и, как следствие, богатства, власти [13, с. 210]. Хотя не исключено использование похожего глагола — *skelti*, который с расширителем *-d-* дает *skeldyti* (также чередующийся корень *skal-*) — (*рас*)*колоть, бить*. Таким образом, получаем имена, соответствующие двум дружинникам — *Боец (Буйный)* и *Воин (Конный или Командир)*.

Сородичем Рюрика, но не князем (очень важно для иерархии), летописцы называют **Олега**, ставшего регентом Игоря. Имя Олег, по официальной версии, происходит из древнескандинавского *Hælg* (*heilagr* — святой, в языческий период — посвященный богу) [14, с. 128]. Однако, как видим, содержание не соответствует фактическому положению носителя имени.

Мы же вновь отдадим предпочтение «местной родословной». Антропоним Олег/ *ᚼ*лезь (сравним — *ᚼ*скольдъ, *ᚼ*лексанъдр, *ᚼ*врам, *ᚼ*ндьрѣи) мог соответствовать балтскому *alga* (вариант — *elga*, сюда же, возможно, *elgtis*) в значении *ценный, влиятельный, служивый* (с учетом глаголов *algauti* — *служить, algavoti* — *заботиться, поддерживать*).

Переходим к семейному триумвирату Рюрика.

Пожалуй, самыми загадочными персоналиями «рождения» Русского государства остаются братья Синеус и Трувор/Тривор [15, с. 15]. Историки пока склоняются к двум основным версиям. Первые предполагают, что братьев вовсе не было и это лишь плод фантазии летописца. Вторые тоже считают, что древние писатели выдумали персонажей, неправильно изложив некий скандинавский текст. По их разумению, имя «Синеус» представляет собой искаженное старо-шведское «свой род» (*sine hus*), а «Трувор» — «верная дружина» (*thru varing*). То есть, летописцы хотели донести до потомков, что Рюрик пришел со «своим родом» и «верной дружиной», которые и померли через два года, оставив князя одного [16, с. 33–34].

Теперь взглянем на рюрикову семью по-балтски. Трувор/Тривор может быть представлен, как *третий брат*. Корень *вор-* происходит из *vyras* — *мужчина, воин, господин, старейшина, молодец, уважаемый человек* (отметим прусский вариант *wijrs* — *мужчина* и готский — *waig* — *мужчина, сила*); *vūgauti* — *главенствовать, господствовать*. В основе первой части имени *тру-/три-* лежит *trys* — *три*.

Вторым — средним — братом был Синеус, антропоним которого можно получить из *sieti* (альтернативная форма — *sienè, sinè* [12, с. 397]) — *связывать, роднить, сопрягать*. Сюда же, вероятно, стоит отнести и тот же индоевропейский корень *sei-* в звучании — *seĩnyti* — *приравнивать, дотягиваться*. Еще отметим готское *sinista* —

старейшина. Тогда получаем, Синеус — брат (руководитель), похожий, почти равный старшему (первому).

Остается старший брат Рюрик. Здесь в основу можно положить *rikis* (аналогично прусский и готский варианты) — руководитель, атаман, глава, распорядитель; *rikiuoti* — *выстраивать, строить, распорядиться*. Как отмечено в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона», старосты и князьки прусов «*reguli Prussorum*» назывались *rikis* [17].

Первому компоненту *рю-* соответствует (*g*)*ruja* в значении *команда, ватага, объединение* (*būgys, gauja*). В совокупности, имя Рюрик есть *руководитель объединения (группы, рода, племени), или вождь бурисков (или борусков?)*.

Таким образом, рассмотренные имена можно условно поделить на три группы:

княжеские — Игорь, Свентослав, Свентоплок;

дружинные — Аскольд, Дир, Олег;

братские (руководящие) — Рюрик, Синеус, Трувор.

Стоит отметить, что в балтском ареале можно встретить имена с корневой основой на *švent-* (*свят-*), *ger-* (например, Герминас), *alg-* (например, Ольгерд), *dir-* (например, Диргинтас), (*s*)*kel-d-* (например, Ясколд, Сколдос). Все эти корни встречаются и в литовской гидронимии (*Alga, Ger-varde, Dir-bala, Skoldainiai*, древнепрусский — *Skalden, Rik-upes* и множество других). В то же время «братские» имена на поверку оказались не более чем титульные термины, звания (хотя Рюрик впоследствии стал именем личным, но уже в другом значении — великокняжеский, царский).

Остановимся еще на имени **Вадим**, которого упоминают летописи, как новгородского мятежника. В Никоновской летописи те события описаны следующим образом: «Того же лета (864) оскорбишася Новгородцы глаголюще, яко быти нам рабом и много зла всячески пострадати от Рюрика и от рода его. Того же лета уби Рюрик Вадима Храброго и иных многих изби Новгородцев советников его...» [15, с. 16].

Антропоним Вадим, вероятнее всего, произошел от *vaduti* (славянского — *voditi*) — *звать, направлять, руководить*; далее — *vadas, vadē* — *вождь, предводитель*.

Теперь возвратимся к тому, с чего начали — к труду Константина Багрянородного «Об управлении империей». Рассказывая о Свентославе, византийский император указывает его местонахождение — *Немогардос* (Немогард). Строчкой ниже мы встречаем другой населенный пункт *Вовсеградѣ* (Вусеград) [10, с. 56]. И если во втором случае использовано славянское -град (город), то первое можно объяснить из балтского -гард. Немоград состоит из двух компонентов: *namas+gardas*, что можно перевести, как родовая усадьба, удел (вероятно, Новгородская/Ладожская княжеская резиденция, Рюриково городище). В нашем же исследовании интерес представляет вывод Р. Дерксена, что *namas* редкая форма, засвидетельствованная в древних текстах из Кенигсберга [10, с. 328].

Таким образом, можно предположить, что и призывающие сторона — новгородцы и призванные варяги-русы общались на родственных языках. Сама семья (или племенной триумвират) Рюрика была не очень именита в то время и, вероятно, вышла из среды балтских племен, обитавших на территории современных Калининградской области, Литвы, Латвии.

II. На балтское происхождение рюриковых русов/росов, вероятно, указывается и в Бертинских анналах.

В древнем документе по году 839 читаем: «С ними [послами] он [Феофил] прислал ещё неких [людей], утверждавших, что они, то есть народ (*gens*) их, называются *рос* (*Rhos*) и что король (*rex*) их, именуемый *хаканом* (*chacanus*), направил их к нему, как они уверяли, ради дружбы... Тщательно расследовав [цель] их прибытия, император [Людовик] узнал, что они из народа *свеев*, и, сочтя их скорее разведчиками и в той стране, и в нашей, чем послами дружбы, решил про себя задержать их до тех пор, пока не удастся доподлинно выяснить, явились ли они с честными намерениями или нет» [18; 19, с. 454].

Здесь нас интересует появление на авансцене истории народа *Rhos* и его атрибутов — местоположения и титул вождя. Именно два последних обстоятельства и стали предметом спора исследователей и высказывания тех или иных гипотез. Главным направлением «борьбы» стала версия о существовании Русского каганата. Однако, как отмечают оппоненты такой концепции, это есть «историографический фантом», выстроенный на одном лишь упоминании титула «хакан» [20, с. 132].

Но именно значение титула поможет нам в изучении загадочных росов. Предположим, что в «Бертинских анналах» озвучено лишь похожее на «хакан» слово — *Chacanus*, услышанное писарем или изложенное в письме императору Людовику I византийцами (например, *Χακάνος*, тогда как в греческом изложении для оригинального титула использовали *Χαγάνος*). При этом, в послании Людовика II от 871 года уже отражено как *Chaganum*, а хазары — *Gazanogum*. Таким образом, не исключено, что в первом случае имеет место передача созвучного слова.

С другой стороны, как мы выяснили в первой части нашего исследования, Рюрик с русами пришли от балтских племен. В этом контексте и попытаемся разобраться в званиях и регалиях вождя росов в IX веке.

Вероятно, послы представили своего вождя именем *Cisap*, которое греки и записали как *Χακάνος*. Это слово имеет интересное, не вполне выясненное значение в прусском языке. Основное понятие *cisap* относят к цвету *brun-rudai-коричневый, бурый, рыжий* [21, том 2, с. 294–295]. Этимологию данного термина связывают, в том числе, и со словами *золото* (*auksinis*), *свечить* (*šviesti*), *красно-коричневый* (*rudas*). При этом, в системе цветообозначения индоевропейскому корню **rudh-* соответствуют *солнце, огонь, золото, кровь, железо* [22, с. 349–351], кроме того *коричневый* может соотноситься с тотемными животными — *медведем* [22, с. 342], *волком* [23, том 4, с. 250]. Объясняя происхож-

дение слова *sicasa*, В. Н. Топоров отметил, что, возможно, мы имеем «не частый, но характерный пример связи прусского языка с германскими и итальянскими языками» [23, том 4, с. 250]. Как здесь не вспомнить пассаж из «Сказания о князьях Владимирских»: «Они (*новгородцы* — *примечание автора*) пошли в Прусскую землю и нашли там некоего князя по имени Рюрик, который был из римского рода Августа-царя» [24, с. 342]?

Кроме того, в индоевропейской традиции *rud-* ассоциируется с понятием *воин, властитель* [13, с. 210–211].

С другой стороны, В. Мажюлис видит связь *sicasa* с индоевропейским корнем *k̑eu-*, *k̑euk-* — *светить, сиять, блестеть, яркий, светлый* [21, том 2, с. 295]. Там же автор отмечает и вариативность *k/c/ch*.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что ретранслированный в «Бертинских анналах» титул *Chasapus* мог

определять имя/звание вождя народа *Rhos* наподобие Светлейший, Золотой/Блистательный, Красно Солнышко и тому подобное. Созвучие терминов позволило летописцам (в том числе, и славянским) в текстах указывать более знакомый титул «*хакан/хаган/каган*». Хотя традиция именовать князя «*светлым*» была воспринята славянами и передавалась соответствующим (понятным им) образом. Именно такие формулировки мы встречаем и в арабских источниках, описывающих славян, например, в книге персидского автора середины XI века Абд ал-Хай Гардизи «Краса повествований»: «Их глава носит корону, и все они почитают его и повинуются ему, и первый из их глав зовется свие-малик» [25, с. 342]. Впоследствии, с ростом политических амбиций лидеров Русского государства атрибут князя «*светлый*» был заменен на «*великий*».

Литература:

1. Повесть временных лет. Сост., примеч. и ук. А. Г. Кузьмина, В. В. Фомина. Вступ. ст. и перевод А. Г. Кузьмина / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, Родная страна, 2014.
2. Псковские летописи: Вып. второй / Под ред. А. Н. Насонова. — М.: Изд-во АН СССР, 1955.
3. Схема походов викингов. <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:Vikings-Voyages.png>
4. Казанская история. Подготовка текста и перевод Т. Ф. Волковой <http://lib2.pushkinskijdom.ru/tabid-5148>
5. Ломоносов М. В. «Возражения на диссертацию Миллера» <http://feb-web.ru/feb/lomonos/texts/lo0/lo6/lo6-0252.htm?cmd=2>
6. Карты балтийских народов в 1200 году (начало 13 века). [https://commons.wikimedia.org/wiki/File: Baltic Tribes_c_1200RU.svg](https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Baltic_Tribes_c_1200RU.svg)
7. Гимбутас М. Балты. Люди янтарного моря. М.: Центрполиграф, 2004.
8. Топоров В. Н., Трубочев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М.: Издательство АН СССР, 1962
9. Федченко О. Д. Днепр, «росские» и «славянские» пороги (этимология названий) [Текст] // Актуальные вопросы филологических наук: материалы V Международной научной конференции. — Казань: Бук, 2017. <https://moluch.ru/conf/phil/archive/257/12841/>
10. Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio / Ed. Gy. Moravcsik. Washington, Dumbarton Oaks, 1967
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: «Прогресс», 1986–1987.
12. Derksen R. Etymological dictionary of the Baltic inherited lexicon. Brill. Leiden · Boston, 2015
13. Валянтас С. Двусоставные антропонимы — реликты поэзии балтов // Балто-славянские исследования. XVI. — М.: Индрик, 2004. — С. 201–224.
14. Lena Peterson. Nordiskt runnamnslexikon. Institutet för språk och folkminnen. Uppsala — 2007.
15. Русская летопись по Никонову списку. / Изданная под смотрением имп. Академии наук. СПб, 1767–1792. Часть 1.
16. Пчелов Е. В. Монархи России. — Олма медиа групп, 2003.
17. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (ЭСБЭ) — АО «Ф. А. Брокгауз — И. А. Ефрон», 1890–1907. https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%AD%D0%A1%D0%91%D0%95/%D0%9F%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D1%8F%D0%B7%D1%8B%D0%BA
18. Бертинские анналы. 835–861. Восточная литература. http://www.vostlit.info/Texts/rus14/Annales_Bertiniani/text2.phtml
19. Полный латинский текст Annales Bertiniani // Monumenta Germaniae historica. https://books.google.ru/books?id=H-QCgb_epqMC&pg=PA434&lpg=PA434&dq=Venerunt+etiam+legati+Grecorum+a+Theophilus+imperator+directi,+Theodosius+videlicet+Calcedonensis+metropolitanus+episcopus&source=bl&ots=XKYDOVVAxP&sig=rIQKs6SAKCi3sImD1e-EGYpoNVM&hl=ru&sa=X&ved=0CDMQ6AEwBGoVChMIn92L68TlyAIV4_NyCh14DwdO#v=onepage&q=Venerunt%20etiam%20legati%20Grecorum%20a%20Theophilo%20imperator%20directi%20Theodosius%20videlicet%20Calcedonensis%20metropolitanus%20episcopus&f=false

20. Петрухин В. Я. «Русский каганат», скандинавы и Южная Русь: средневековая традиция и стереотипы современной историографии // Древнейшие государства Восточной Европы. 1999 г. Восточная и Северная Европа в средневековье. — М., 2001.
21. Mažiulis V. Prūsų kalbos etimologijos žodynas. Vilnius: Mokslas, Mokslo ir enciklopedijų leidykla, T. 1–4, 1988–1997.
22. Норманская Ю. В. Генезис и развитие систем цветообозначений в древних индоевропейских языках / Ю. В. Норманская. М.: ЗАО «С&К», 2005
23. Топоров В. Н. Прусский язык. Словарь. М.: Издательство «Наука», 1975–1990. Т. 1–5.
24. Сказание о князьях Владимирских. Перевод Л. А. Дмитриева. <http://www.portal-slovo.ru/history/39078.php>
25. Темушев С. Н. Проблема локализации «Русского каганата» IX века // Русское средневековье. Сборник статей в честь профессора Юрия Георгиевича Алексеева. — М.: Древлехранилище, 2012. с. 213–232 <http://statehistory.ru/4758/Problema-lokalizatsii-Russkogo-kaganata-IX-veka/>
26. Дубинин с. И., Бондаренко М. В., Тетеревёнков А. Е. Готский язык. — Издательство «Самарский университет», 2006
27. Lietuvių kalbos žodynas (t. I–XX, 1941–2002). Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2005
28. Lietuvių-rusų kalbų žodynas. М.: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 2005

Русь, варяги и «Баварский географ»

Федченко Олег Дмитриевич (г. Брянск)

Статья посвящена выяснению термина «варяги» и определению местоположения летописной Руси. На основе данных, изложенных в «Повести временных лет» и у древневосточных авторов, положение Руси определяется на побережье Варяжского моря в пределах Калининградской области.

Ключевые слова: Русь, Рюрик, варяги, Калининград, Пруссия, Баварский географ, славяне, Ретра, Радигост

Сколько копий сломано и усилий потрачено в борьбе с «варягами» учеными историками и лингвистами, а ясности в этом вопросе пока нет. То ли это этническая, то ли профессиональная, то ли социальная группа? Есть мнения, что это наемные воины или торговцы.

1. Однако ответ скрывается в известной цитате из «Повести временных лет»: путь изъ варягъ въ греки. Оборот «из-в» указывает на географическую составляющую торгующих сторон. Т. е. варяги — это есть лишь территориальная привязка жителей региона, равно как скандинавы, прибалты, южно-американцы, африканцы и так далее.

Оставим пока варягов и посмотрим на Варяжское море, которое именовалось так на древнерусском, тогда как у других народов название было Morze Bałtyckie — польское, Ostsee — немецкое, Östersjön — шведское, Itämeri — финское, Läänemeri — эстонское, Baltijos/Baltijas jūra — литовское/латышское, Vāldamērs — ливское, Bóht — кашубское, Nuortamearra — самское.

Безусловно, название моря не могло быть дано по имени одного из племен или некой социально-политической группы, обитающих на побережье. На это, например, указывает хотя бы приведенный перечень инородных формулировок, связанных с физико-географической характеристикой водного объекта.

По берегам Варяжского моря как раз и живут варяги. Как отмечает автор «Повести временных лет», они оби-

тают и на востоке, и на западе побережья: «по сему же морю съдаты Варязи съмо къ вьстоку. до предѣла Симова. по тому же морю съдаты къ западу. до земли Агараньски и до Волошьцькые» [1]. При этом, с одной стороны, «Ляховъ же и Пруси. и Чюдь. присъдаты к морю Вараскому», а с другой — до предела Симова не дотягивают скандинавы, которыми идентифицируют «варягов». Таким образом, варяги суть жители побережья Варяжского моря. На это указывает автор «Повести временных лет» и в другом месте: «а по Двинѣ въ Варягы. а изъ Варягъ и до Рима». И вновь «варяги» не имеют отношение к Скандинавии, а есть лишь указание на земли у моря Варяжского.

Кроме того, летописец определяет место руси и среди восточных племен побережья, и среди западных. В первом случае Русь стоит в одном ряду с восточными соседями: «Въ Афетовѣ же части съдять Русь. Чюдь. и вси азыцѣ Меря Мурома. Всь. Мордва. Заволочьскаа Чюдь. Пермь. Печера. Аемь. Югра. Литва. Зимигола. Корсь. Сътьгола. Либь» [1]. В то же время Русь упоминается и в списке северо-западных и юго-западных племен: «Афетово же колѣно и то Варязи. Свеи. Оурмане. Готѣ. Русь. Агланѣ. Галичанѣ. Волохове. Римланѣ. Нѣмци. Корлази. Венедици. Фраговѣ. и прочии присъдаты ѿ запада къ полу-деню. и съсъдаты съ племене^м» [1].

И если земли ляхов, прусов и чюди примыкают к морю, то земля руси, вероятно, выступает в море (это и есть особенность земель, жителей которых и называют варягами).

Именно такой подход к значению «варяг» расставляет все по своим местам: в первом случае присутствие руси обусловлено их восточным положением, во втором ряду русы

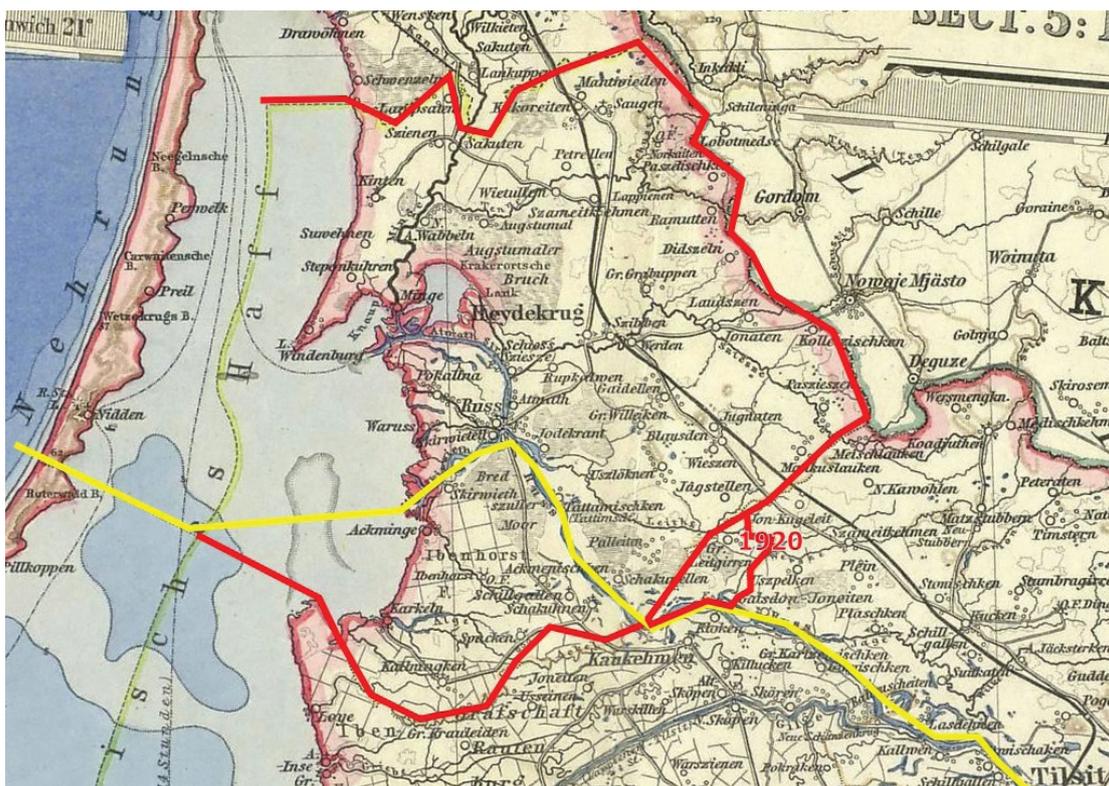
оказываются ввиду нахождения их земель, выступающими в море в виде «острова»/полуострова.

Карта Европы во второй половине IX века [2]:

Таким образом, русь могла располагаться в районе Калининградского полуострова (Самбийский/Земландский полуостров) и прилегающих территориях (Калининград-

ская область). Здесь же мы находим и реку Russ [3] и одноименный город [4]:

Кроме того, имеется известная земля в устье Немана (Рус) Русне, которая на старинных картах также представлена островом [5]:

В IX веке в тех краях проживали прусские племена сембов и скальвов [6]:

В те времена сембы успешно боролись с данами и дружили со шведами. Но кроме военных успехов, сембийцы были и успешными торговцами, поэтому их считают од-

ними из самых богатых в том регионе. Не от того ли впоследствии на Руси варягами считали не только воинов, но и торговцев [7, том 1, с. 66–67].

Именно об этих русах написано и в Бертинских анналах [8]. Как раз дружба со шведами, позволила Людову I посчитать их шпионами свеонов (sueonos). С другой стороны, как отмечал Адам Бременский в трактате «Деяния архиепископов Гамбургской церкви», тогдашние хронисты считали Свеонию страной островов [9, книга I, 28], а свеоны — островные жители, подобно древнерусскому обозначению «варяги».

На основе древних источников восточных авторов российский историк К. А. Аверьянов в своей работе «В поисках »острова русов«» сформулировал условия для определения местонахождения легендарных русов: 1) нахождение его на морском побережье, 2) достаточно большие размеры, исходя из того, что речь идет о »трех днях пути«, которые большинство исследователей приравнивают к 90–100 км, 3) определенные природные условия, а именно болотистость местности, 4) близкое соседство со славянами, 5) наличие археологических следов варяжского типа, датируемых IX веком [10, с. 8–9].

Выясним, насколько наше предположение о земле русов соответствует очерченным критериям.

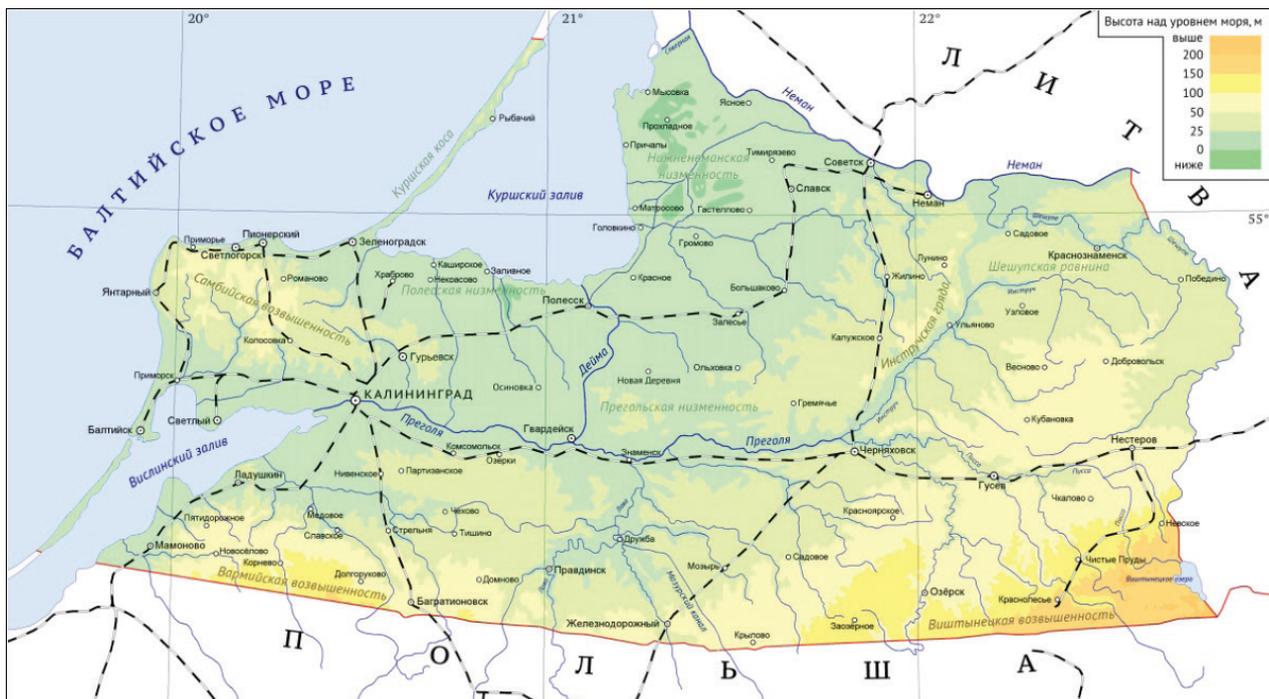
1. Безусловно, Калининградская область находится на побережье Балтийского моря. Соответственно, его

древнее население могли считаться «варягами» — жителями побережья. При этом, европейские хронисты считали Семланд островом, например, об этом писал Адам Бременский в трактате «Деяния архиепископов Гамбургской церкви» [9, книга IV, 18]. Там же отмечено, что «остров» граничит с областями русов (с востока — это как раз Скаловия) и поланов (на западе).

2. Территория от нынешнего Калининграда и до устья Немана (рукав Russ) примерно будет соответствовать заданным параметрам — около 100 километров.

3. Природные условия как раз и отличаются болотистостью. Мы видим практически сплошную низину, состоящую из Полесской, Прегольской и Нижненеманской низменностей, которые находятся ниже уровня моря. Условия соответствуют описанию арабского хрониста Ибн-Руста: «Что же касается русов (ар-русийа), то они — на острове, окружённом озером. Остров, на котором они живут, протяжённостью в три дня пути, покрыт лесами и болотами, нездоров и сыр до того, что стоит только человеку ступить ногой на землю, как последняя трясётся из-за обилия в ней влаги» [11, том III, с. 47–48].

Карта Калининградской области [12]:

4. Соседями прусских племен являлись западно-славянские племена — поморяне, поляне, кашубы и другие [2]:

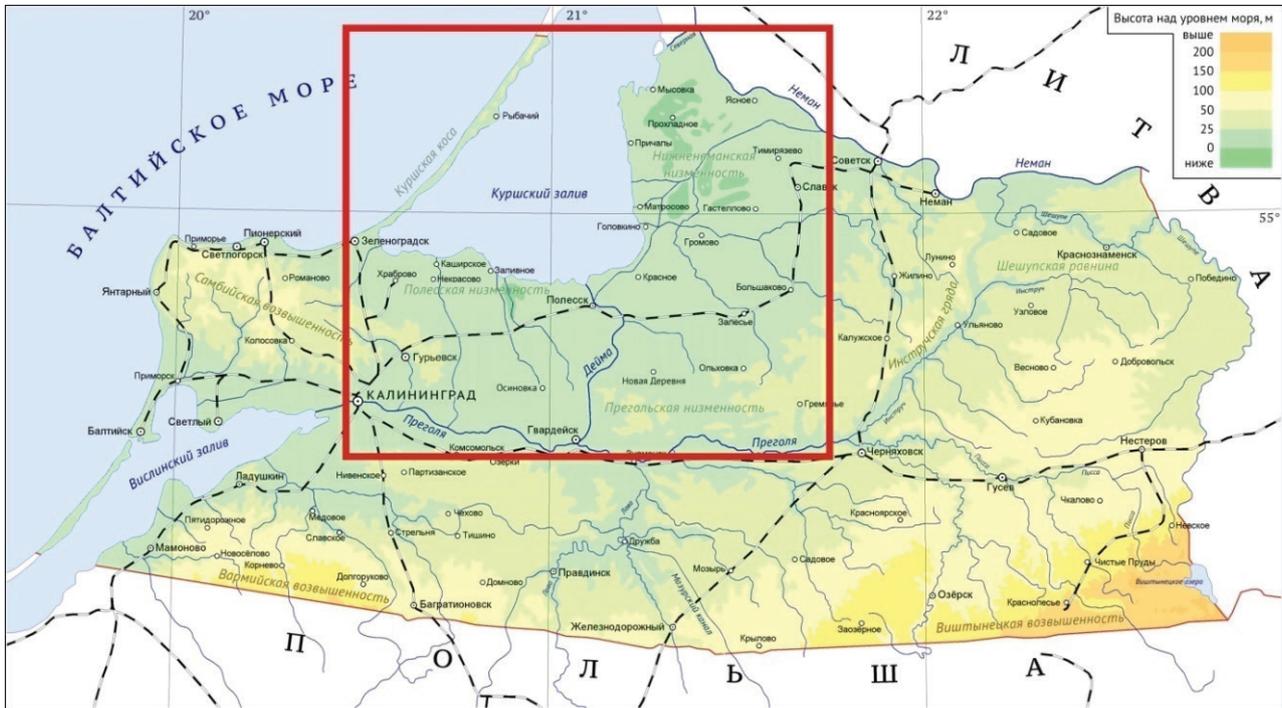
5. Есть на побережье Калининградского полуострова поселок Моховое. Ныне неприметный населенный пункт в IX веке был крупным торгово-ремесленным центром и носил громкое имя Кауп. Здесь начинался Янтарный путь. Здесь же была крупная колония скандинавов. Соответственно, здесь археологами были обнаружены и скандинавские погребения.

6. Кроме того, есть и шестой критерий — этимология антропонимов Рюрика и команды, пришедшей в Новгород, указывает на их прусское происхождение [13]. Кстати, велика вероятность, что соратник Рюрика Аскольд, отправившийся впоследствии княжить в Киев, был из скальвов, к такому предположению подталкивает наличие единого корня (с)кал-. Кроме того, наследник рюриков получил имя ни славянского, ни скандинавского, но балтского происхождения — Игорь (у Багрянородного — Ἰγγορ), что означает *i-(in-)geras* «великочтимый».

Теперь можем перейти к выводам.

Итак, варяги — это жители земель, вклинивающихся (будь то остров/полуостров) в Варяжское море, омываемых морем. Тогда фразу летописца «идоша за море к Варяго^м. к Руси» [1] следует понимать, как «идти за море к живущим среди Варяжского моря Руси».

Положение летописной руси можно означить территорией Калининградского полуострова и прибрежной местности у Немана. Русью могли быть земли Самбии и Скаловии. На карте это будет выглядеть следующим образом (использована карта Калининградской области [12]):

II. Предложенный вывод подтверждается свидетельствами одного из старинных документов Средневековья «Баварским географом». «*Descriptio civitatum et regionum ad septentrionalem plagam Danubii*» («Описание поселений и местностей к северу от Дуная») содержит упоминание о Ruzzi. Чтобы выяснить, где находится эта территория, мы воспользуемся принципом, заложенным в самом историческом списке.

В «Баварском географе» указаны не объединения народностей-племен, но географические объекты — будь то поселения (топонимы), реки (гидронимы), от которых и происходят наименования жителей (как то, Москва — москвичи, Тула — туляки, Дон — дончане, Волга — волжане и так далее). В таком контексте граница «*Descriptio...*» очерчена Балтийским морем, реками Неман, Нарев, верховье Вислы. При этом, первая часть документа определяет земли вдоль Эльбы и восточных границ франков, вторую часть можно условно разделить на несколько групп, которые объединены по региональному компоненту (например, Поморье, Пруссия, Польша, Силезия и так далее).

И если в приграничной полосе Франкской империи перечисленные сообщества идентичны бурговым округам [14, с. 163], то с локализацией дальних земель возникала большая вариативность. Тем не менее, чтобы выяснить место Ruzzi, попытаемся определить расположение упомянутых в «*Descriptio...*» территорий.

1. Первыми в старинном документе упоминаются Nortabtrezi — те, которые ближе всего сидят к пределам данов; область их, в которой — 53 поселения, раздельно [управляется] их герцогами [здесь и в дальнейшем используется текст 15]. Безусловно, здесь представлена славянская общность ободритов/obotrites. Ориентиром и имядателем для этой группы служит гидроним Travena/Trave. Нортабтрези есть ни что иное, как жители к северу от Травы: *норд* — север, *аб* (латинский *ab-*) — префикс, указывающий на местоположение — около, вокруг, и корень — от Травы. Соответственно, и ободриты, в целом, — живущие вокруг Травы.

2. Uuicli имеют 95 поселений и 4 области. Территория полабских славян простирается от Травы до Одера. Как отмечают историки, вильцы — это самоназвание славянского племенного союза. Хотя предпочтительнее выглядит происхождение этнонима от гидронима Wilze/Wilse, левого притока Одера, что подтверждает и наличие славянского города Wiligrad (Мекленбург). В нашем случае имеем дело с «передовым» эшелонem вильцев, граничащих с Империей по Эльбе.

3. Linaa имеют 7 поселений. Славянское племя линиян вокруг поселения Linopen/Lenzen.

4–6. Неподалеку от линиян сидят те, которые зовутся **Bethenici**, **Smeldingon** и **Morizani**, которые имеют 11 поселений. Первые проживали в окрестностях Voitzenberg

на реке Voize, вторые находились по реке Elde (город Eldenau), третьи могли обитать по реке и у озера Müritz (славянское Mогrze — небольшое море) и одноименный город (вариант — Wagen).

7. Рядом с ними сидят те, которые зовутся **Hehfeldi**, и которые имеют 8 поселений. Здесь упоминается область по реке Havela (правый приток Эльбы) и, соответственно, поселения Havelberg. В дальнейшем историки их называли гевеллами, гавелянами, стодорянами.

8. Следующая область — **Surbi**; в ней многочисленный народ, имеющий 50 общин. Ориентиром может служить город Zerst (Ciervisti) на правом берегу Эльбы.

9. Рядом с ними — те, которые зовутся **Talaminzi** и которые имеют 13 поселений. В данном случае вновь имеем двойное сочетание tala + minzi. В таком контексте основой, определяющей местоположение и название региона, выступает область между Красным и Белым Майном. Тогда таламинцы — это живущие по долине вдоль верховья Майна. Как отмечает Нидерле Любор в работе «Славянские древности»: «Эта область в древних грамотах VIII и IX веков снова именуется terra Sclavorum, regio Sclavorum, а славяне, обитавшие здесь, — Moīnwinidi и Ratanzwinidi» [16, с. 43].

10. **Beheimare**, у которых 15 поселений, безусловно, локализуются с исторической областью Богемией.

11. Marharii имеют 40 поселений и могли располагаться по реке Moga и в верховье Моравы (Mogowa, Maraha, March). При этом, вторая часть может быть заимствована от *harii* Тацита в значении варваров.

12. **Uulgarii** — огромная область и многочисленный народ — имеют всего 5 поселений, так как большинство народа проживает вне их, а, следовательно, не имеет надобности в поселениях. Отмечая, что сочетание Uu есть W, получаем и ориентир на местности в виде топонима Велеград (Welegrad) и, соответственно, жители — велгородцы.

13. Есть народ, который зовётся **Merehanos**; у него — 30 поселений. Расположение данной области можно определить средним и нижним течением реки Моравы (Mogowa, Maraha, March).

Как отмечается в документе, представленные земли граничат с владениями франков.

Мы же подведем промежуточный итог и отправимся дальше. Итак, все области перечислены с севера на юг и доходят до Дуная. Рассмотренные этнонимы, действительно, связаны с гидронимами или топонимами.

Во второй части «Descriptio...» приведены те, которые находятся рядом с приграничными пределами.

14. Osterabtrezi имеют более 100 общин. Аналогично Nortabtrezi эта область локализуется относительно реки Травы — с восточной (*ost-*) стороны.

15. **Miloxi** — 67 общин. Размещались в городе Malchin/Molchin/Malochuni, лежащем у озера Malchiner See. Здесь можно отметить и наличие расположенного рядом поселения Malchow на Malchower See к северу от озера Мюриц и города Wagen.

16. **Phesnuzi** — 70 поселений. Предположительно, это жители города Wesenberg у озера Feisneck.

17. **Thadesi** — более, чем 100 поселений. Данную группу можно локализовать по району Todendorf — Thürkow — Teterow с озером Teterower See.

18. Glopeani — 400 или чуть более поселений. Ориентиром может служить река Penia и город Hologasta/Wolgast. Автор «Descriptio...» использовал латинский *glo-* в значении «собирать вокруг, скапливать». По сути, здесь напрашивается отождествление со славянским племенем черезпиняне.

19. **Zuireani** — 325 поселений. Положение данной группы может быть локализовано городом Zwerin (Zuagina) на берегу одноименного озера.

20. **Busani** — 231 поселений. Вероятным местом проживания можно назвать окрестности озера Beetzsee и поселений Butzow (первоначально — Buzow/Bocsow) и Buschow.

21. **Sittici** — область, в которой народу и укрепленных поселений без счёта. Скорее всего, жители, известные как житичи, обитали в районе города Sitta (Zittau).

22. **Stadici** — 516 поселений и народу без счёта можно расположить у одноименного городка на левом берегу Эльбы в Богемии.

23. **Sebbirozi** — 90 поселений. Местом дислокации можно определить реку Sebnitz, правый приток Эльбы, с одноименным городом.

24. Unlizi — многочисленный народ, 418 поселений. В данном случае речь, вероятно, идет о земле Нижняя Лужица. Конструкция слова может быть представлена в виде латинской частицы *un-* и основой *lizi* (аналогичное словообразование мы встречаем далее в Ungare), что может означать — жители по болотам, низине (Лужица — болотистый край). Территориально это соответствует району у города Cotibus на реке Spre.

25. **Neriuani** — 78 поселений. Вероятно, так автор определил жителей около, поблизости от руян, подобных им. Возможное их местоположение — остров Uzedom.

26. Attorozi — 148 поселений, народ наиболее необузданный. Можно предположить место обитания этой группы близ местечка Torgelou и озера Torgelower See, северо-восточнее города Wagen. Первая часть названия представлено латинской частицей *at-* (*ad-*) в значении близости, начинательности.

27. Eptaradici — 243 поселения. Предположительно, речь идет о территории вдоль реки Randow (польский вариант — Rędowa) район городов Löcknitz — Щецин. Вероятно, мы имеем дело с землями, которые принадлежали западнославянскому племени ратарии (redarii). Не исключено, что легендарный религиозно-культурный центр Rethra (Radegost) и был расположен в окрестностях упомянутых поселений (по крайней мере, Лёккениц уже упоминался в таком контексте [17, § 28]). Латинизированная часть *epta-* (*ep-/ap-*) указывает на соединение, прикрепление, т.е. ептарадичи — живущие по реке Rędowa.

28. **Uuilerozi** — 180 поселений. Данный народ, скорее всего, проживал у города и на острове Wollin/Wellin.

29. **Zabrozi** — 212 поселений. В данном случае речь идет землях за рекой Вга, левый приток Вислы, город Bromberg (Померания). Соответствуют кашубскому племени заборяков.

30. **Znetalici** — 74 поселения. Территория, занимая этой группой, может быть локализована по реке Noteć (Netze) и, возможно, к ней имеет отношение город Zantok, расположенный при впадении в реку Варту.

31. **Aturezani** — 104 поселения, вероятно, лежат у озера Resko Górne и вытекающей из него реки Rega. Латинская частица *at-* определена выше при рассмотрении Attorozi.

32. **Chozirozi** — 250 поселений. Предпочтительным выглядит сопоставление с кашубским племенем косьцежцы вокруг города Kościerzyna (немецкий Berent).

33. **Lendizi** — 98 поселений. Жители города Landeck в Померании.

34. **Thafnezi** — 257 поселений. Локализацию можно осуществить по реке Тува у устья Одера (Померания) с населенным пунктом Tuwina (Tuwica).

35. **Zeriuani**, у которых одних есть королевство и от которых все племена славян, как они утверждают, происходят и ведут свой род. Вероятно, речь ведется о жителях острова Руян. Вот как их характеризовал Адам Бременский: «Они первенствуют среди всех славянских народов, имеют короля и знаменитое святилище. Поэтому благодаря особому почитанию этого святилища они пользуются наибольшим уважением и, на многих налагая иго, сами ничьего ига не испытывают, будучи недоступны, ибо в места их трудно добраться» [9, книга IV, 18].

36. **Prissani** — 70 поселений. Можно предположить, что жители располагались по реке Persante (ранее — Prońnica). Там же находится и известный славянский город Koloberg (Colberg).

37. **Uelunzani** — 70 поселений. Положение данной группы определено городком Vielup и протекающей там рекой Welna, правый приток Варты.

38. **Bruzi** — повсюду больше, чем от Энса до Рейна. Наиболее вероятным расположением данных жителей можно назвать прусский город Brus (Brusebergue, немецкий — Braunsberg, польский — Braniewo).

39. **Uuizunbeige** могло быть связано с местечком на северо-восточном побережье Земланда — Wiskiauten (ныне н.п. Моховое Калининградской области). Подсказкой в определении местности служат составляющие топонима. Первая часть представлена балтским *vieš-* (пруссский вариант — *wais-/weisch-*) в значении «важное, возвышенное место, поселение». Во втором компоненте автор «Descriptio...» использовал латинское образование *beāre* — освящать, благословлять, осчастливить, радовать (аналогичное значение *beo+ire*). Получаем — «лобное место», святилище. В то же время имеем Wiskiauten/Weyskawten — «святилище черепов», и там же Kaup/Kaup — возвышенное место.

40. **Caziri** — 100 поселений. Местом проживания данной группы можно назвать район реки Ossa, озера Os-

sensee и города Kosenberg (ныне — Kozia Góra). Видимо, близость к реке Висла и позволила автору «Descriptio...» предположить здесь количество общин, в отличие от остальных упомянутых восточных территорий.

41. **Ruzzi**. Предпочтительным выглядит вариант идентификации этой территории с рукавом Немана — Russ, здесь же и островная часть устья Русне.

42. **Forsderen** может соответствовать местечку у озера Warsaw See (возможно, вплоть до Варшавы).

43. **Liudi** предположительно могут быть локализованы по реке Lidinia/Łydynia приток Wkra севернее Варшавы.

44. **Fresiti**. Расположение этой группы можно означить городком Wrsena (старинное — Vresc) на реке Wrześnica (Wreschen), правый приток реки Варта, с одноименной местностью восточнее Познани.

45. **Serauici**. Место данной группы можно обозначить вокруг, от (латинский *se-*) реки Raua.

46. **Lucolane** могли обитать в окрестностях городка Сою, юго-восточнее Познани на реке Варта.

47. **Ungare**. Прежде всего, отметим, что название данной группы состоит из основы *gare* с латинской частицей *un-*, что означает жители среди гор. Тогда местом локализации становятся Gory Sietokryzskie около города Kielce. Данный горный массив имел важное культурно-религиозное значение у славян [18, с. 148].

48. **Uuislane** располагаются в верховьях рек Vistula/Wisla и Visloka, а также городок Vislica.

49. **Sleenzane** — 15 поселений. Получили свое название по реке Ślęza (Lan) и окрестности города Slenz (земли Силезии юго-западнее Breslau), на которой и проживали.

50. **Lunsizi** — 30 поселений. Местоположение этого сообщества можно отнести к низовьям Ślęza (немецкий вариант — Lan).

51. **Dadosesani** — 20 поселений. Проживали у города Glogaw (ранее — Dziadoszan) в Нижней Силезии.

52. **Milzane** — 30 поселений. Восточнее дедошан обитали мильзаны, городом которых можно назвать Mielitz.

53. **Besunzane** — 2 поселения. Шафарик полагает, что так назывались жители города Бузинц и его окрестностей в Силезии (Staroz. II. 424). Город этот упоминается Дитмаром ок. 1015 года, а также другими средневековыми летописцами [19]. Пока ученые гадают, какой именно город означает Бузинц — нынешние Шибунц, Посниц или Бунцлау. Логика автора «Descriptio...», которую можно усмотреть в нашем исследовании, указывает на третий вариант — Buntzel (Bunzlau, ныне — Болеславец).

54. **Uerizane** — 10 поселений. Область данных жителей может быть локализована в Силезии на левой стороне реки Warta/Vurta. Здесь мы встречаем города Viegus, Wierun, Varta.

55. **Fraganeo** — 40 поселений. Вероятным местом обитания может быть историческая область южной Богемии Prachens (ныне юго-западная часть региона Plzeň).

56. **Lupiglaa** — 30 поселений. Территория Lupiglaa могла располагаться в Богемии вокруг Jihlava — город, район, река (ныне в крае Высочина Чехия).

6. Карты балтийских народов в 1200 году (начало 13 века). [https://commons.wikimedia.org/wiki/File: Baltic_Tribes_c_1200RU.svg](https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Baltic_Tribes_c_1200RU.svg)
7. Этимологический словарь русского языка. Составил А. Преображенский. — М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1910—1914.
8. Бертинские анналы. 835—861. Восточная литература. http://www.vostlit.info/Texts/rus14/Annales_Bertiani/text2.phtml
9. Адам Бременский. «Деяния архиепископов Гамбургской церкви». Книга IV. Древняя литература http://www.drevlit.ru/texts/a/a_adam_brem.php
10. Аверьянов К. А. В поисках «острова русов» // *Studia internationalia: Материалы IV международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X—XX вв».* (1—3 июля 2015 г.). — Брянск: РИО БГУ, 2015.
11. Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под редакцией Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. — М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науки, 2009.
12. Карта Калининградской области https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/d/d6/%D0%9A%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B0_%D0%9A%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D0%BD%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%B4%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9_%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B8.png
13. Федченко О. Д. Рюрик и его команда (этимология антропонимов) [Текст] // *Вопросы исторической науки: материалы V Международная научная конференция* — Казань: Бук, 2017. <https://moluch.ru/conf/hist/archive/289/12905/>
14. И. Херрман. Ruzzi. Forsderen. Liudi. Fresiti. К вопросу об исторических и этнографических основах «Баварского географа» (первая половина IX в.) // *Древности славян и Руси.* — М.: Наука, 1988., с. 163—169. <http://idrisi.narod.ru/bav-herrm.htm>
15. Geographus Bavarus. «Descriptio civitatum et regionum ad septentrionalem plagam Danubii». Восточная литература http://www.vostlit.info/Texts/rus12/Bav_geogr/text.phtml?id=61
16. Нидерле Л. Славянские древности / пер. с чешск. Т. Ковалевой и М. Хазанова. — М.: Издательство иностранной литературы. Редакция литературы по историческим наукам, 1956. <http://rubooks.org/book.php?book=4235&page=1>
17. Готтлиб Маш А. Сокровища Ретры. — М., 2006 г. http://kladina.narod.ru/rethra/rethra_predv_razsmotr.htm
18. Магдыч О. Р. Язичницькі вірування на польських землях у IX—X ст. // *Гилея: научный вестник.* — Киев: Всеукраинская общественная организация «Украинская академия наук», 2016, выпуск № 113 (10), стр. 144—148.
19. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (ЭСБЭ) — АО «Ф. А. Брокгауз — И. А. Ефрон», 1890—1907 <https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%AD%D0%A1%D0%91%D0%95/%D0%91%D0%B5%D1%81%D1%83%D0%BD%D1%87%D0%B0%D0%BD%D0%B5>

Научное издание

ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

V Международная научная конференция
Казань, ноябрь 2017 г.

Сборник статей

Материалы печатаются в авторской редакции

Дизайн обложки: *Е.А. Шишков*

Верстка: *М.В. Голубцов*

Издательство «Бук», г. Казань

Подписано в печать 24.11.2017. Формат 60x90 1/8.

Гарнитура «Литературная». Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 5,31. Уч.-изд. л. 7,40. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый»
420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.